

[Polaris]

Александр Белинский

ПАЙНА СТАРОЙ
УСАДЬБЫ

Русский оккультный роман
Том XII

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

CCCLXX

Salamandra P.V.V.

Александр
БЕЛИНСКИЙ

ТАЙНА СТАРОЙ
УСАДЬБЫ

(Можжевеловый куст)

Русский оккультный роман
Том XII

Salamandra P.V.V.

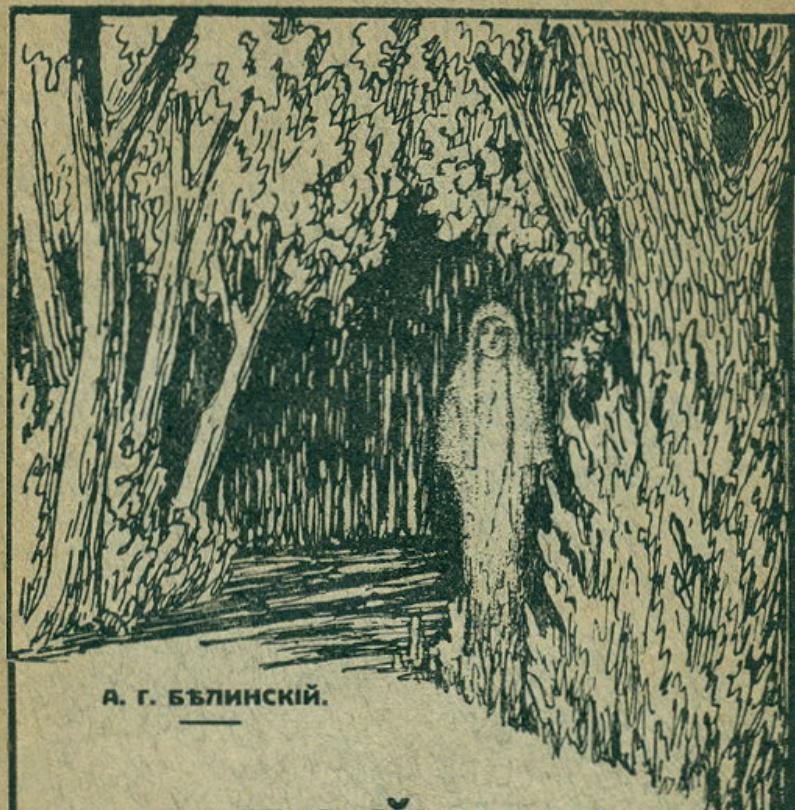
Белинский А. Г.

Тайна старой усадьбы: (Можжевеловый куст) (Русский оккультный роман, т. XII). — Б. м.: Salamandra P.V.V., 2020. — 94 с. — (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. CCCLXX).

Полученное в наследство громадное поместье стало подарком судьбы для помощника присяжного поверенного Дмитрия и его сестры-курсистки Ольги. Они и подозревать не могли, что в прекрасных Борках столкнутся с пугающими загадками потустороннего мира... Написанная в эмиграции повесть бывшего военного юриста, полковника и городского нотариуса Иркутска А. Г. Белинского была впервые издана в Харбине в 1926 г.

ТАЙНА СТАРОЙ УСАДЬБЫ

(Можжевеловый куст)

А. Г. БЪЛИНСКІЙ.

**ТАЙНА
СТАРОЙ УСАДЪБЫ
(МОЖЖЕВЕЛОВЫЙ КУСТЬ).**

1926.

ПРЕДИСЛОВИЕ

И в эмиграции — за границей, среди чужих людей и всяческих невзгод беженского существования, и на родине, в хаосе, из которого в муках народных должно сформироваться когда-то и что-то... тяжело живется русскому человеку.

Часто его охватывает такое состояние, когда ему хотелось бы хоть на короткое время забыться, унести душой куда-либо вдаль, хоть на минуту отдохнуть от тяжелой действительности.

Новая литература... она крайне интересна, но она не достигает указанной выше цели. Являясь отражением многогранной современности, она удерживает читателя в сфере его собственных переживаний или освещает ему те стороны этой сферы, с которыми ему самому еще не приходилось сталкиваться.

Приступая к изданию своих сочинений, автор имел совсем другую цель, и если читатель, сидя с этой книжкой в руках, хоть на какой-либо час унесется от тяжелой действительности в недалекое сравнительно прошлое, с его повседневными, хотя, быть может, и мелочными, но не терзающими души и нервов интересами, если он хотя один раз улыбнется тихой и доброй улыбкой, то скромный автор будет считать, что он достиг своей цели и что его труд оплачен сторицей.

А. Б.

I

ПИСЬМО ИЗ НИЦЦЫ

Мы шумно встали из за обеденного стола и перешли в уютный кабинет нашего милого хозяина.

Когда все с чаем, кофе и сигарами расселись поудобнее, хозяин опустился в кресло у ярко освещенного письменного стола и, слегка постучав по какой-то книге, шутливо-торжественным тоном объявил:

— Господа, согласно выработанной очереди слово предоставляется Дмитрию Петровичу.

— Слушаем, — раздалось два или три голоса, и все обратились в сторону сидевшего в углу комнаты в глубоких креслах еще сравнительно молодого человека.

Дмитрий Петрович помолчал с минуту и начал.

— Сегодня действительно моя очередь рассказывать, но, так как в вашем кружке я являюсь человеком еще новым, то мне необходимо сделать некоторое предисловие, касающееся моей биографии, без которого рассказ мой может показаться неполным.

Вы знаете, что мы живем вместе с сестрой, Ольгой Петровной. В настоящее время, кроме нее, у меня на всем белом свете нет ни души родственников. Мы потеряли родителей очень рано, когда я был в третьем или четвертом классе гимназии, а сестра, которая на шесть лет моложе меня, была еще девочкой.

Наше отрочество и юношеские годы мы провели, хотя и никогда не разлучаясь, но среди чужих людей, и, быть может, именно это обстоятельство было причиной тому, что между мной и сестрой установилась самая тесная и искренняя дружба, что вообще теперь очень редко.

Благодаря небольшим средствам, оставшимся после нашего отца, мы никогда не испытывали острой нужды. Мне удалось окончить университет и устроиться помощником присяжного поверенного, а сестра, спустя год, окончила гимназию и поступила на высшие курсы.

Мой патрон, Сергей Иванович, присяжный поверенный, у которого я работал, создал для меня очень хорошие условия: помимо хотя и небольшого, но определенного жалованья, он предоставил мне вести в свою пользу все поступавшие к нему мелкие дела мировой подсудности, и моего заработка было совершенно достаточно для того, чтобы нам с сестрой существовать безбедно.

Спустя два года после начала моей адвокатской деятельности, как раз в середине лета, мы получили письмо из Ниццы. Там проживал наш дядя, брат нашего отца, который покинул Россию что-то лет пятнадцать тому назад и все время лечился на юге Европы от какой-то продолжительной тяжкой болезни, которая, наконец, свела его в могилу.

Писал нам бывший поверенный дяди и сообщал, что духовного завещания после себя он не оставил и просил сообщить нам, что не сделал он этого потому, что мы с сестрой являемся его единственными наследниками, и к нам одним, что вполне соответствовало и его желанию, должно перейти все его состояние.

Состояние это, помимо всего оставшегося после дяди в Ницце, заключалось в огромном, около пяти тысяч десятин, недвижимом имении на юго-западе России. Оно находилось в управлении у некоего Тадеуша Лясковского, от которого мы и должны были принять это имение и отчет за текущий год.

Далее, заканчивая письмо описанием похорон дяди, поверенный просил нас немедленно дать ему инструк-

ции о его дальнейшей деятельности.

Обсудив этот вопрос с сестрой и моим патроном Сергеем Ивановичем, мы сейчас же начали дело об утверждении нас в правах открывшегося наследства, а в Ниццу написали, чтобы все имущество, оставшееся после дяди, было ликвидировано, а все документы были высланы нам.

О существовании упомянутого дяди и о его недвижимом имении я, конечно, знал; я даже должен был видеть и самого дядю, когда еще был ребенком, хотя и не помнил этого, но я никогда не ожидал, что мы с сестрой сделаемся его наследниками, так как я совершенно не имел никакого представления о его семейном положении и никогда с ним не переписывался, но мной и сестрой дядя, очевидно, интересовался и сведения о нас получал, должно быть, от кого-либо из своих друзей, оставшихся в России.

Таким образом, совершенно неожиданно, мы с сестрой сделались помещиками и притом довольно крупными. Но что было делать дальше? В деревне ни я, ни сестра никогда не жили; сельским хозяйством я, по крайней мере, не интересовался; бросать только что начатую юридическую деятельность, которой я, к тому же, по молодости лет, тогда еще увлекался, было жалко, да и сестре нужно было закончить свое образование. И вот, после продолжительных прений, постоянным участником которых мы делали и Сергея Ивановича, было постановлено: ни к каким решениям пока не приходить, а мне с сестрой ехать на место ознакомиться с имением и с тем, в каком оно находится состоянии, пожить на лоне природы до конца лета или сколько проживется, а там будет видно, что предпринимать.

Все это было для нас вполне приемлемо и удобно: у сестры были каникулы, а по случаю летнего време-

ни Сергей Иванович охотно отпускал меня месяца на три.

Немедленно же я написал пану Лясковскому, а через несколько дней мы уже получили от него ответ, написанный на большом листе бумаги крупным и красивым почерком.

В несколько витиеватом стиле пан Тадеуш выражал нам свое соболезнование по поводу кончины дяди и вместе с тем радовался тому, что он будет иметь честь представиться молодым владельцам имения Борки, причем просил заблаговременно послать ему «депешу», дабы он имел возможность подготовиться к столь радостному для него событию.

На сборы времени ушло немного; депеша была послана, и в ясное июльское утро мы с сестрой уже устраивались в уютном двухместном купе первого класса.

Ольга была в неописуемом восторге — это было первое ее путешествие. Я сам с удовольствием развалился на мягко покачивавшемся диване вагона. Зимнее сидение в кабинете патрона и постоянная беготня по камерам мировых судей успели порядочно надоест.

Ехать нам нужно было полтора дня, и мы все время проводили, или глядя в окно на быстро бегущие мимо нас пейзажи, или закусывая на счет того набитой Ольгой продовольственной корзинки, или гуляя по платформам при остановках поезда на станциях. Для Ольги все это было так ново, так интересно, что я от души радовался за моего горячо любимого маленького друга.

II

ПАН ТАДЕУШ

Около четырех часов следующего дня поезд подходил к нашей станции.

Маленькое станционное здание утопало в окружавшей его зелени. На платформе, кроме нескольких евреев из соседнего mestечка, никого не было.

Рядом с начальником станции, которого мы узнали по красной шапке и флагжку в руках, стоял высокий худощавый господин лет около пятидесяти, с коротко подстриженной клином бородкой и длинными седыми усами и резко выраженным польским типом лица. Одет он был в длиннополый черный сюртук старомодного покроя, а в опущенной левой руке его был огромный букет цветов.

— Пан Тадеуш, — шепнул я сестре, указывая на худощавого господина.

Поезд остановился. Кроме нас, никто из вагонов не выходил.

Худощавый господин, снимая по пути черную фетровую шляпу, торопливыми шагами направился к нам.

— Имею честь рекомендоваться, — начал он, раскланиваясь слегка в левую сторону, — управляющий имением Борки, дворянин Тадеуш Лясковский, — и он пожал протянутую мною ему руку, затем, низко склонившись, он поцеловал ручку сестры и поднес ей цветы, заверив нас в самых изысканных и замысловатых выражениях в своей радости по поводу возможности представиться молодому и просвещенному хозяину и еще более молодой и столь прелестной хозяйке.

Следом за паном Тадеушем представился нам и начальник станции, причем после отхода поезда, кото-

рый стоял здесь только две минуты, мы все направились к выходной двери.

Здесь у подъезда нас уже ждали легкая коляска, за-пряженная четверкой, и тарантас.

Пан Тадеуш чуть не на руках внес сестру в экипаж, помог усесться мне, разместил наш багаж в своем тарантасе, накинул на плечи парусиновый пыльник и уселся сам.

Простиившись с начальником станции и пригласив его навестить нас, чтобы отдохнуть от железнодорожной копоти, мы тронулись в путь.

Должен сознаться, что и сам пан Тадеуш с его изысканной, столь свойственной его нации, галантностью, доходящей до «падам до ног», но не роняющей вместе с тем его достоинства, и опрятное состояние экипажей, и сытый и веселый вид лошадей, все это произвело на меня чрезвычайно отрадное впечатление.

Ольга, по-видимому, была тоже очень довольна.

— Нас встречают, как настоящих магнатов, — говорила она, пряча лицо в массу душистых цветов.

— Да, — смеясь, отвечал я, — но ведь и на самом деле, детка, мы здесь довольно крупные величины; насколько я припоминаю со слов покойного отца, дяде принадлежало здесь около пяти тысяч десятин, а это не шутка.

Не далее, как через четверть часа, мы проехали через большое, грязное местечко Калиновичи, населенное почти исключительно евреями, имя которого носила и наша железнодорожная станция. Дальше дорога шла то заливными лугами с богатейшими сенокосными угодьями, то сосновыми и березовыми перелесками.

Когда солнышко клонилось уже к западу, мы приехали в Борки.

Усадьба была расположена на небольшой возвышенности. Мы въехали во двор сквозь ворота, выходившие в прекрасный сосновый лес.

Неподалеку от ворот, с левой стороны, стоял приветливый, окруженный деревьями и цветником флигель, в котором жил пан Тадеуш с женой своей, пани Вильгельминой. В глубине двора, красиво выделяясь на густой и темной листве сада, виднелся большой с мезонином старый барский дом, выходивший во двор широкой террасой с рядом колонн.

Мы лихо подкатили к этой террасе.

Навстречу нам, приветливо улыбаясь, по ступенькам спустилась пожилая женщина, держа в руках покрытый вышитым полотенцем поднос, на котором лежал домашнего изготовления, но красиво отделанный торт.

Это была пани Вильгельмина, которая, имитируя русский обычай, встречала новых хозяев с, так сказать, хлебом и солью,

Ольга поспешила выскочила из экипажа, взяла из рук пани Вильгельмины поднос, передала его мне и обняла и расцеловала старушку. Это, по-видимому, сразу расположило обоих супругов в нашу пользу.

Пан Тадеуш, рассыпаясь в самых отборных любезностях, пояснил нам, что, конечно, осмотревшись в доме, мы выберем себе для жилья какое либо лучшее помещение, но для начала он подготовил нам приют в самом прохладном углу дома, боясь, чтобы нас не беспокоил летний зной.

Предводительствуемые паном Тадеушем, мы поднялись на террасу и вошли в парадную дверь. Мы попали в довольно широкий коридор. Сейчас же налево было две двери, вдали направо также дверь, а в конце коридора поднималась полукруглая лестница, ведущая в верхние помещения.

Пан Тадеуш поспешно прошел вперед и открыл перед нами дверь, ведущую направо. Мы очутились в огромной, продолговатой и совершенно пустой комнате, выходящей двумя окнами в сад.

Здесь, с низкими поклонами, нас встретили молоденькая девушка в свежем костюме, который носят местные крестьянки, и парнишка лет шестнадцати в ситцевой рубашке, оба босоногие и оба очень миловидные.

Пан Тадеуш заботливо нанял их: Параску на должность камеристки к Ольге, а Валерьяна, который почему-то называл себя Варельяном, в качестве камердинера к моей особе.

Из той комнаты, в которую мы вошли, вели направо две двери в две смежные и соединяющиеся дверью комнаты: одну для Ольги, окнами в сторону двора, и другую для меня, с одним окном тоже во двор и другим в сад.

Комнаты были меблированы просто, но в них было все необходимое, а у Ольги, заботливой рукой пани Вильгельмины, был даже устроен хорошенъкий туалетный столик с большим зеркалом в старинной раме.

Водворив нас на наше новое место жительства, пан Тадеуш пригласил нас от имени жены «до стола», как только это будет нам угодно.

Мы с удовольствием помылись после пыльной дороги, переоделись и, сопровождаемые Параской на тот предмет, чтобы, как выразился пан Тадеуш, незнакомые еще с новыми хозяевами собаки не обеспокоили бы панны Ольги, направились к флигелю управляющего.

Хозяева его встретили нас, выйдя за калитку цветника, и провели на широкую веранду их домика, где был накрыт обеденный стол.

Мы с удовольствием принялись за еду. Обед был простой, но очень сытный и вкусно приготовленный, а хозяева отличались необыкновенным вниманием и хлебосольством.

Постепенно разговарившись с ними, я узнал от пана Тадеуша некоторые неизвестные мне подробности из жизни покойного дяди.

Борки, как оказывается, он купил чуть не двадцать лет тому назад и, поселившись в старом доме, энергично принял за хозяйство. Не прошло, однако, и трех месяцев, как дядя вдруг захандрил, затосковал и неожиданно для всех переселился в губернский город.

В усадьбу он прислал в качестве управляющего какого-то немца. Последний надежд дяди не оправдал и был заменен русским, за ним последовал второй русский, потом еще кто-то, пока на седьмом году владения Борками дядя не познакомился с паном Тадеушем и не поручил ему управления своим имением.

Как раз около этого времени дядя стал болеть и по совету врачей переселился за границу, откуда в Россию уже никогда не возвращался, а в имение свое, как это ни странно, так ни разу и не понаведался со дня своего выезда в губернский город.

С паном Тадеушем дядя был в постоянной деловой переписке и через него-то он и следил за нами, предупредив пана Тадеуша, что мы унаследуем это имение после его смерти.

Рассказав мне все это с множеством разных подробностей, которые для настоящего рассказа интереса представлять не могут, пан Тадеуш очень тонко и осторожно спросил меня о том, совсем ли мы приехали или на время, и какие у нас намерения относительно имения.

Он, естественно, опасался за свою судьбу, и я постарался поскорее его успокоить.

— Ничего не могу сказать вам относительно этого, пан Тадеуш; мы с сестрой просто приехали пожить в Борках некоторое время и отдохнуть от городского шума, а что будет дальше, то мы об этом еще и не думали. Во всяком случае, в какую бы форму это будущее ни вылилось, мы просим вас не отказать оставаться на вашем посту и работать для нас так же, как вы в течение целых тринадцати лет работали для покойного дяди.

Пан Тадеуш молча, но с сознанием своего достоинства низко склонил свою голову и перевел разговор на какую-то другую тему.

Когда мы встали из-за стола, была уже ночь. Сопровождаемые паном Тадеушем, мы прошли в наши апартаменты, где, вероятно, наспех, но достаточно уже вымуштрованные Параска и Варельян приготовили все для ночлега.

В эту ночь я спал так хорошо и беззаботно, как мне давно не приходилось спать. Мог ли я тогда предполагать, что в этой самой комнате меня ожидают такие странные переживания?

III

УСАДЬБА

Когда я проснулся, солнышко только что всходило. Я открыл окно в сад: на меня так и пахнуло бодрящей свежестью и запахом листвы.

Я быстро оделся и вышел на террасу, которая почему-то называлась роговым крыльцом.

Первое, что бросилось мне в глаза, это была сановитая фигура пана Тадеуша, который разговаривал с какими-то крестьянами.

Увидев меня, он поспешил мне навстречу и, осведомившись о том, хорошо ли мы провели ночь и не испытывали ли мы в чем либо недостатка, добавил, что пани Вильгельмина ждет меня пить чай, кофе, молоко или к чему я имею привычку.

Поблагодарив пана Тадеуша, я сказал, что чай пить приду тогда, когда выйдет Ольга, и просил его показать мне усадьбу. Пан Тадеуш раскланялся, и мы отправились для совершения беглого осмотра.

Усадьба занимала огромную площадь и разделялась на три части. Старый дом с большим садом был в глубине усадьбы, затем шел большой двор, на который выходило роговое крыльцо.

Двор был отделен заборами, с одной стороны, от соснового леса, сквозь который мы въехали, а с другой стороны, на задах флигеля управляющего, от невысокого, но густого лиственного леса. Вдоль этого забора расположился ряд построек. Здесь был большой флигель для служащих, затем птичий и малый скотный двор, неподалеку от них колодец, а потом усадебка пана Тадеуша с чистеньким домиком в три комнаты с

кухней и широкой верандой, выходящей в цветник.

По другую сторону ворот, ведущих в сосновый лес, были расположены конюшни, большой скотный двор и целый ряд амбаров и сараев, заканчивающийся другими воротами, выходящими в сторону деревни.

От этих ворот до самого рогового крыльца тянулся довольно высокий забор, который отделял двор от фруктового сада.

За конюшнями была третья часть усадьбы: слева огромное гумно с молотилкой и площадкой для склада сена и соломы, а справа обширный огород, снабжавший овощами всю усадьбу.

Все было чрезвычайно чисто и опрятно, и на всем виднелись следы заботливого, внимательного и интересующегося делом хозяина.

Я не мог удержаться, чтобы не выразить пану Тадеушу своего удовольствия, на что он ответил мне низким поклоном, направленным, по его привычке, немного влево.

Когда мы, окончив наш осмотр, выходили с огорода, на роговом крыльце мелькнуло белое платьице Ольги, и все мы скоро собрались на террасе хлопотливой пани Вильгельмины и заняли свои места.

Весь стол ее был уставлен самоваром, кофейником, кринками со сливками и молоком и целым подносом только что испеченных и еще горячих сдобных булочек и каких-то превкусных крендельков.

После чая мы с Ольгой принялись осматривать старый дом. Это была огромная деревянная постройка, старая, но недурно сохранившаяся. Мы высчитали, что из этого дома можно было выкроить не менее четырех небольших городских квартир. Все было сделано прочно и массивно, хотя и требовало очень серьезного ремонта.

Дядя жил в старом доме, но, покидая усадьбу, он почему-то распорядился, чтобы там никто не жил, и чтобы управляющий выстроил себе отдельный флигель.

С левой стороны коридора, ведущего с рогового крыльца, была целая квартирка из трех светлых, солнечных комнат. С правой стороны того же коридора находилось занимаемое нами помещение. Рядом с той большой пустой комнатой, о которой я уже упоминал, была огромная передняя с дверью на другую террасу, сплошь обросшую виноградом. Двумя или тремя ступеньками она спускалась на просторную площадку. Здесь, вероятно, был прежде цветник, но теперь вся площадка была покрыта густо разросшейся травой и кустарником.

Далее, по направлению к воротам, ведущим к деревне, раскинулся большой фруктовый сад.

За передней было несколько проходных комнат до конца дома. Левее их тянулся второй коридор, выходивший на небольшую открытую террасу в другую, еще большую часть сада, состоящую из сплошной гущи лип, вязов и разных диких деревьев.

Немного отступая от этой террасы, начиналась прямая липовая аллея, терявшаяся в глуши деревьев.

С другой стороны коридора были опять комнаты, и из этого же коридора выходила дверь в сени, которые отделяли кухню и комнаты для прислуги от главного корпуса дома.

Словом, это был преинтересный лабиринт из в большинстве случаев пустых, а частью занятых старинной обстановкой комнат.

На стенах кое-где висели картины и портреты, которые не представляли из себя никакого интереса, но в самой последней, угловой комнате, считая от виноградной террасы и обращенной в сторону дикого сада,

я обратил особенное внимание на висевший на стене портрет. Он был вделан в большую, черную, покрытую пылью раму и был, по-видимому, очень стар.

На портрете этом была изображена какая-то девушка, а может быть, и очень молодая женщина с немного смуглым цветом лица и черными волосами, которые курчавыми локонами спускались на ее лоб и уши.

Лицо этой женщины было необыкновенно красиво, а особенно ее темно-синие глаза, но глаза эти смотрели на вас как то слишком пристально, и в них чувствовалось выражение какой-то мольбы, смешанной с упреком.

Осмотривая эту комнату, я несколько раз взглядал на портрет, и всюду эти глаза преследовали меня своим упорным взглядом.

Когда я выходил из комнаты, я опять взглянул на портрет: глаза женщины точно повернулись в мою сторону и продолжали смотреть на меня каким-то неотвязчивым взглядом. Я удержал Ольгу за плечо и указал ей на портрет.

— Я видела, — сказала она, — очень красивая головка; вероятно, еврейка, но зачем она так пристально смотрит; даже неприятно... — и я вдруг почувствовал, что по плечам девушки пробежала мелкая дрожь. Я обнял ее покрепче, и мы отправились в другие комнаты продолжать наш осмотр.

Я не хочу забегать вперед, но должен сознаться, что этот странный портрет, с его упорным взглядом, с его мольбой и упреком в глазах, произвел на меня сильное впечатление, и позднее, пока еще не начали развертываться события, которые чуть не стоили нам с Ольгой жизни, я нет-нет, да и заходил в описанную комнату, чтобы взглянуть на портрет еврейки.

После обеда, на котором пани Вильгельмина опять проявила свое искусство, столь свойственное польским

хозяйкам, мы с Ольгой отправились в сад.

Нас хотел сопровождать пан Тадеуш, но предполагая, что он после обеда любит отдохнуть, мы пошли одни.

В сад мы вышли через виноградную террасу и направились влево, в сторону дикого сада. Туда вела дорожка, проходившая под окнами всего дома; она выходила на длинную липовую аллею, начинающуюся против открытой террасы.

Насколько вся усадьба была в полном порядке, настолько сад был запущен, что, конечно, объяснялось тем, что пан Тадеуш не усматривал в нем доходной статьи имения и не считал себя вправе производить расходы на поддержание сада в порядке.

Деревья, кустарники и сорные травы разрослись не-пролазной гущей, а самая аллея, по которой мы шли, превратилась в какой-то туннель с зеленою крышей, сквозь которую солнце совсем не проникало.

Постепенно понижаясь, аллея вывела нас на небольшую площадку. Мы остановились и осмотрелись кругом.

Здесь аллея прекращалась, а в обе стороны расходились поросшие густой травой и полевыми цветами дорожки, — вправо во фруктовый сад, а влево в еще более густую и темную часть дикого сада.

У начала дорожки, ведущей влево, но несколько в стороне от аллеи, было небольшое возвышение, по-видимому искусственного происхождения. На нем, вероятно, когда-нибудь была беседка или что-либо в этом роде, но теперь оно все было покрыто широко разросшимся кустом можжевельника, встречающегося в тех местах довольно редко.

Прямо перед нами площадка круто понижалась к воде. Это была неширокая протока, быть может, даже старое русло протекавшей недалеко реки. За протокой, насколько хватал глаз, раскинулись заливные луга, глав-

ная ценность нашего имения, по которым были разбросаны группы деревьев и местами блестела вода.

Мы спустились к протоке. Берег был чистый, песчаный и отлогий, вода прозрачная и тихая, словом, прекрасное место для купания.

У самой воды, на двух вкопанных столбиках, была устроена скамейка; такая же скамейка стояла и на краю площадки, как раз около самого спуска к воде.

Скамейки были совершенно новые и, как оказалось, были построены паном Тадеушем перед нашим приездом; им же была отремонтирована и даже окрашена небольшая лодочка, прикрепленная на цепочке к одной из стоек нижней скамейки.

Мы долго бродили по саду. Художник нашел бы в нем множество красивых уголков, но, к сожалению, сад был запущен до непроходимости, и единственной, так сказать, культурной частью его была липовая аллея, площадка и пристань.

IV

ПЕРВОЕ ЯВЛЕНИЕ

Итак, мы осмотрелись на нашем новом месте жительства, и наша жизнь, как говорится, потекла своим чередом.

Ольга боялась, что мы будем скучать, и захватила с собой несколько книг, но для чтения у нас совершенно не оставалось свободного времени.

Пани Вильгельмина, конечно, приняла нас на полный пансион и окружала всевозможными заботами.

Вставали мы по-деревенски, с восходом солнца; немедленно по очереди отправлялись в сад купаться; шли к пани Вильгельмине пить чай, а затем принимались за работу.

Мы с паном Тадеушем углублялись в хозяйствен-ные расчеты, подсчеты и иные соображения: рассматривали приходо-расходные книги, счета и прочие до-кументы или приказывали заложить лошадей в тарантас и ехали осматривать леса, луга и другие статьи хо-зяйства.

Иногда нас сопровождала и Ольга, но главным об-разом она, под руководством пани Вильгельмины, с которой очень подружилась, знакомилась на практике с домашним хозяйством: возилась на кухне, кормила домашних животных и птиц, с особым удовольствием училась доить коров; проводила много времени на ого-роде, где всегда работали несколько девушек, нанимае-мых из деревни, и, наконец, с помощью одной Парас-ки разбила и подготовила к будущему году небольшой цветник как раз под тем окном, которое из моей ком-наты выходило в сад. Девочка страшно загорела, ок-репла, поправилась и выглядела чрезвычайно хорошо.

Перед обедом опять шли купаться, а после обеда, немного отдохнув и посидев где-либо в тени, мы отправлялись куда-нибудь подальше. Шли в сосновый лес за грибами или в перелески за цветами и ягодами, катались по протоке на лодочке. Иногда предпринимали и более далекие экскурсии: запрягали таrantас и простую телегу, забирали пана Тадеуша с женой, Параску и Варельяна и отправлялись или для сбора грибов для сушки их в запас или просто устраивали пикник, причем пан Тадеуш, знавший кругом Борок буквально каждый кустик, всегда выбирал для этого какой-нибудь новый и особенно красивый уголок.

Словом, жизнь текла тихо и мирно, но спустя недели две после нашего приезда, она стала чем-то нарушаться.

Началось это с ничтожного, но странного эпизода.

Однажды вечером, незадолго до захода солнца, мы с Ольгой поехали на лодке и отплыли дальше обычного. Гуляли по лугу; лежали на песчаном берегу; Ольга доставала водяные лилии и, когда мы собрались ехать домой, то солнышко давно уже успело сесть, и медленно опускались тихие и теплые сумерки.

Вода была как зеркало. На безоблачном небе появились одна или две звездочки; засеребрился серп только что народившегося месяца. На протоке было как-то необыкновенно хорошо.

Под ленивыми ударами весел наша лодочка медленно подвигалась вперед вдоль берега, противоположного саду.

— Кто-то нас ожидает, — сказала Ольга.

Я перестал грести и посмотрел вперед. Над водой начинал стлаться легкий туман. На площадке, которую было уже видно из за деревьев, как раз у верхней скамейки, стояла какая-то фигура, вся одетая в белом и,

как мне показалось, с накинутым на голову белым платком.

До нашей пристани было недалеко, но сумерки уже сгостились так, что рассмотреть стоявшую фигуру было трудно.

— Должно быть, пани Вильгельмина встревожилась нашим опозданием к ужину и нас высматривает, — сказал я.

— Нет, пани Вильгельмина ниже и полнее.

— Ну, так Параска.

— Параска такая трусиха, что никогда не решится идти в дикий сад в такую пору, да у нее и белых плащев нет.

— Сейчас подъедем и увидим.

Я начал грести сильнее. За крутым поворотом протоки наша пристань скрылась из виду, а когда мы причалили и вышли на площадку, то там никого не было.

Мы осмотрелись кругом. Белая фигура укрыться между деревьями не могла, но на площадке и вблизи ее действительно не было никого, а между тем, я всем своим существом испытывал такое ощущение, точно тут кто-то есть, точно кто-то находится на площадке, здесь, около нас, но стоит так, что мы не можем его увидеть; а может быть, его уже нет; может быть, он уже удалился, но только он тут был за одну минуту, быть может, всего за одну какую-нибудь секунду перед этим, и вся атмосфера этого места еще была наполнена и насыщена его присутствием.

Странное ощущение, но я его испытывал особенно ясно и давал себе в этом полный отчет.

Ольга стояла рядом со мной с широко раскрытыми глазами и с недоумением смотрела по сторонам. Потом она вдруг схватила меня за руку.

— Пойдем скорей, — сказала она прерывающимся голосом, — тут становится так темно и жутко... — и, креп-

ко держась за меня, она чуть не бегом направилась в совершенно темную аллею.

Мы дошли до открытой террасы, обогнули угол дома, где была комната с портретом еврейки, и вошли через виноградную террасу.

В наших комнатах были уже зажжены лампы, и Параска с Варельяном приготавляли все нужное для ночлега. Параска была в своем будничном темном плаще.

Свет и мирная обстановка сразу успокоили Ольгу, и через несколько минут мы уже сидели за ужином.

Однако, мы рассказали о происшествии на площадке. Пан Тадеуш с недоумением пожал плечами.

— Конечно, — сказал он, — на площадку могла зайти какая-либо из дворовых женщин, и так как вход в сад всем запрещен, то она могла и убежать, увидев ваше приближение, но только ни в усадьбе, ни в деревне я не знаю, чтобы у кого-либо были белые костюмы. Кто же из рабочего люда станет носить белое платье?

И, склонившись с улыбкой в сторону Ольги, которая вся была в белом, пан Тадеуш добавил:

— Это преимущество только одних принцесс. Впрочем, — продолжал он, гладя свои седые усы, — весьма возможно, что панна Ольга сделалась жертвой маленькой иллюзии: над протокой вечером часто стелется туман и, поднимаясь на площадку, он может принимать самые причудливые формы.

На этом мы и успокоились, но мне показалось, что, выслушав наш рассказ, пан Тадеуш как-то странно переглянулся со своей женой.

V

ТАЙНА ПЛОЩАДКИ

Ночь после описанного случая я почему-то провел тревожно; просыпался несколько раз и встал позднее обычновенного.

Как всегда, я сейчас же пошел купаться и, вдоволь набарахтавшись в свежей воде, оделся и поднялся на площадку. Здесь, закурив папиросу, я уселся на верхней скамейке и стал любоваться широко развернувшимся мною видом на заливные луга.

Вдруг до моего слуха донеслось что-то вроде едва слышного протяжного вздоха; верней всего, что это мне только показалось, но я сразу почувствовал, что сзади меня кто-то есть.

Я быстро обернулся: на площадке никого не было. По желтому песку ее и по мелкой траве протянулись густые тени деревьев, и прорывающиеся сквозь чащу листвы лучи солнца блестели в мелких каплях росы, густо усыпавших куст можжевельника.

Повторяю, на площадке никого не было, но я даже вскочил со скамейки, до такой степени я отчетливо чувствовал, что тут кто-то был сию минуту, что он, может быть, и сейчас тут, только я никак не могу его увидеть.

В то время, как я стоял в недоумении, весь охваченный этим странным ощущением, я услышал веселый смех в конце аллеи. Неприятное ощущение, испытываемое мною, мгновенно исчезло, и я направился к дому.

Навстречу мне весело бежали Ольга и Параска и промчались мимо меня, не останавливаясь.

— Ты так долго плавал, что я потеряла терпение и решила гнать тебя домой, — крикнула мне Ольга, пребегая мимо.

Огибая угол дома, я невольно заглянул в окно. Точно повернув глаза в мою сторону, красавица-еврейка смотрела из своей рамы прямо на меня с тем же выражением мольбы и упрека.

Что-то тяжелое сжало мое сердце. Я тряхнул головой, чтобы отогнать от себя это чувство, и быстро вошел в дом сквозь виноградную террасу.

С этого дня я положительно потерял всякий душевный покой. Я не могу сказать, что описанное мною ощущение присутствия кого-то постороннего преследовало бы меня повсюду; наоборот, я не испытывал этого ощущения нигде, кроме площадки или мест, близко расположенных около нее, но стоило мне явиться на площадку, и меня немедленно охватывало это му-чительное чувство и не давало мне ни минуты покоя, пока я не уходил или пока не являлось туда какое-либо постороннее лицо.

Оставаясь на площадке один, я отчетливо чувствовал, что, кроме меня, там еще кто-то есть или, если его и нет, то он был здесь сию минуту, сию секунду.

Я старался бороться с этим; делал над собой насилия; нарочно приходил на площадку и сидел там по-долгу и, странно, это чувство охватывало меня только тогда, когда я был или совершенно один, или, как это случилось в первый раз, с Ольгой, но если при мне был кто-либо другой, или я видел других людей или, наконец, слышал звуки человеческих голосов, это чувство никогда не появлялось.

Я делал опыты. Я, якобы случайно, приводил туда пана Тадеуша и часами сидел с ним на верхней скамейке. Я приходил туда с Варельяном под видом каких-либо работ в лодке или на пристани, — все было

благополучно, но стоило мне остаться одному, как ощущение присутствия кого-то охватывало меня со всей его силой и реальностью.

Под конец я потерял всякие силы бороться с этим и заботился только о том, чтобы о моих переживаниях как-нибудь не узнала Ольга.

Я так любил ее и всегда был так искренен с нею, что никогда не постыдился бы рассказать ей о своем горе, но все это я относил к области нервных заболеваний, которые, как я слышал, в психическом отношении так заразительны, и я боялся, что я внушу что-либо моей девочке и тоже лишу ее душевного покоя, которого лишился сам.

Поэтому, боясь вызвать у Ольги подозрения, я самым регулярным образом продолжал купаться и лишь старался делать это как можно скорее и не задерживаться на площадке.

Но старания мои не заразить Ольгу моими ощущениями, как оказалось, были совершенно бесполезными.

Однажды, возвратившись после предобеденного купания, я увидел Ольгу шающей что-то в ее комнате у открытого окна, тогда как, по заведенному обычаю, она всегда ждала моего возвращения, чтобы немедленно идти на пристань.

— Ты что же не собираешься? — спросил я ее, — ведь сейчас позовут обедать.

— А я не буду купаться.

— Почему? Нездоровится? — встревожился я.

— Нет, — улыбнулась Ольга, — я здорова, но я отпустила Параску на деревню к родителям, а без нее я идти не хочу.

У меня на душе зашевелилось какое-то подозрение.

— Разве тебя кто-либо там потревожил? — спросил я.

— Нет, там ведь никто никогда не бывает, но... — Ольга замолчала, встала и положила мне руки на плечи, — ты знаешь, Митя, я уже целую неделю не хожу купаться без Параски; я боюсь ходить туда одна.

Ольга обхватила меня за шею и, прижавшись щекой к моему плечу, продолжала шепотом:

— Ты не сердись, милый, и не брани меня; у меня нет от тебя секретов, но, когда я бываю на площадке одна, мне всегда кажется, что там есть еще кто-то, который смотрит на меня и которого я не могу увидеть, и мне становится так страшно, так страшно, что я готова бежать оттуда со всех ног и закрыв глаза.

— Ну, а когда с тобой бывает Параска? — спросил я.

— Тогда мне нисколько не страшно; мы плаваем, шалим, бегаем и ничего, но без Параски я туда ни за что не пойду; и знаешь, в первый раз я испытала это ощущение еще в тот вечер, когда мы с лодки видели на площадке белую фигуру. Я тогда тебе ничего не сказала, ты меня прости, я думала, что это не повторится и пройдет, а оно, оказывается, не прошло.

Я постарался успокоить Ольгу, объясняя все это нервами, утомленными зимней работой, а также и тем, что площадка находится в таком глухом месте дикого сада, но в душе я жестоко страдал. Я скрывал мою тайну от сестры, чтобы не заразить ее моими переживаниями, а оказывается, моя бедная девочка переживала то же, что и я, а благодаря особенной чувствительности женской натуры, быть может, и больше.

Но что было делать? И у меня в первый раз мелькнула мысль об отъезде в город. Но бросать среди цветущего лета такой чудный уголок, как наши Борки, и переселяться в душный и пыльный город... нет, нужно подождать, авось все пройдет, только необходимо

оградить Ольгу от этих ощущений, мучительность которых я так хорошо испытал на себе.

— Ничего, моя детка, — говорил я, гладя сестру по волосам, — мы все, городские жители, являемся жертвами наших нервов; все это пройдет, но купания ты не бросай, так как оно не может не оказывать самого благоприятного действия на твое здоровье, а в том числе и на нервы, только я тебя раз навсегда прошу, и ты, конечно, исполнишь мою просьбу: в дикий сад без Параски никогда не ходи, так как, я вижу, ты можешь напутаться там Бог знает как, а если тебе Параски мало, то я к тебе прикомандирую хоть несколько деревенских девушек, с которыми, я вижу, ты уже достаточно познакомилась во время огородных работ.

Я поцеловал Ольгу в загорелую щеку, и мы пошли к пани Вильгельмине обедать.

Итак, Ольга испытывала то же, что и я, и этого мало: ощущение чьего-то присутствия охватывало ее только тогда, когда она бывала на площадке одна или со мной, присутствие же постороннего лица, как Параски, уже было достаточно, чтобы обеспечить Ольгу от этого ужаса.

Это последнее обстоятельство внесло в мою душу известное успокоение, за сестру по крайней мере. Нужно только смотреть за тем, чтобы она ни одного шага не делала в дикий сад одна.

В тот же день я, впервые тоном хозяина, попросил пана Тадеуша немедленно нанять для услуг сестре вторую девушку, которая умела бы хорошо плавать, так как я якобы боялся, что Ольга во время купания может по неосторожности попасть в какой-либо омут. Эта девушка вместе с Параской будет всегда сопровождать сестру на пристань.

Пан Тадеуш, выслушав меня, молча поклонился и ничего не сказал, но на следующее утро, когда я воз-

вращался с площадки, я встретил Ольгу, сопровождаемую уже двумя девушками: рядом с Паракской шла молоденькая Варя с веселыми черными глазками.

Теперь за сестру я был совершенно спокоен. Я уже по себе хорошо знал, что, находясь на площадке или вблизи ее с двумя девушками, Ольга вполне застрахована от свойственных этому странному месту неприятных ощущений.

Конечно, я знал также, что таким же образом я могу застраховать и себя. Присутствие одного Варельяна было бы для этого уже совершенно достаточным, но даже самая мысль об этом поднимала во мне целую бурю возмущения.

Пока я не знал, что то же, что испытывал я, испытывает и Ольга, я мог считать это явление субъективным, причина которого кроется во мне самом, но теперь мне было ясно, что эта причина была объективна, а раз это так, раз она вне нас, то ее нужно было найти и уничтожить во что бы то ни стало.

Когда я в это утро шел с сестрой через двор к утреннему чаю, Ольга взяла меня под руку и крепко ко мне прижалась.

— Спасибо тебе, милый, — говорила она, — ты так обо мне заботишься. Мне теперь совсем, совсем не страшно. Варя мне очень понравилась; она, по-видимому, славная девушка, как и Паракса, а плавает положительно как рыба.

— Очень радуюсь, — отвечал я, трепля сестру по руке, — смотри только, ни одного шагу не делай в дикий сад одна и никогда ничего от меня не утайвай, чтобы я всегда мог своевременно прийти к тебе на помощь.

Ольга была очень послушной девушкой, и с этого дня я ни разу не встречал ее в районе дикого сада иначе, как в сопровождении ее обеих телохранительниц.

VI

ВТОРОЕ ЯВЛЕНИЕ

Итак, мне предстояло найти причину того, что так безжалостно отравляло нашу жизнь в усадьбе.

Нелегко искать даже и тогда, когда знаешь, что ищешь, но что же именно должен был искать я? Я не мог дать на это совершенно никакого ответа. Ведь об этом было бы даже стыдно кому-либо рассказать, так как всякий, пожав плечами, назвал бы нас слабонервными барчуками, которые боятся остаться в саду одни даже на несколько минут и притом среди белого дня.

Ведь ходят же пан Тадеуш и пани Вильгельмина в обусловленные между нами часы на пристань купаться, и ничего, а мы чего-то боимся.

Пришлось ограничиться тем, что занять выжидательную позицию в надежде, что откуда-либо прольется свет на это странное явление, и я ждал, за Ольгу же я не мог не радоваться. Принятые мной для охранения ее меры дали прекрасные результаты; она ожила, к ней возвратилось ее обычное веселое настроение, которое, как я заметил, как будто покинуло ее вскоре после случая с поздним катанием на лодке.

На вопрос мой о том, не испытывает ли она на площадке своих прежних ощущений, Ольга со смехом ответила мне, что она со своим конвоем поднимает во время купания такой шум и беготню, что ей совершенно бывает не до неприятных ощущений.

Ничего подобного, однако, я не мог сказать про себя, и стоило мне войти на площадку, как меня немедленно охватывало жуткое и гнетущее ощущение того, что тут кто-то есть или был сию минуту.

Иногда я нарочно задерживался там; ходил по площадке по разным направлениям; шарил вокруг нее между кустами; медленно удалялся и приближался к ней по аллее и по заросшим густой травой дорожкам.

Долго этих опытов я производить был не в силах и под конец всегда поспешно уходил в сторону старого дома, чтобы скорей увидеть или услышать людей и вздохнуть свободной грудью, и мне начинало казаться, что это странное, мучительное, доводящее меня до положительной паники чувство достигало своего наивысшего напряжения и полной невыносимости по мере приближения к можжевеловому кусту.

Один раз на площадке застала меня Ольга, сопровождаемая своими двумя девушками. Я сейчас же ушел, чтобы предоставить им возможность порезвиться на том самом месте, где я сам испытывал такие страдания, и мне было до невыносимости больно, что две простые крестьянки, даже не сознавая этого, вполне охраняют Ольгу от того, от чего не могу охранить ее я, интеллигентный мужчина во цвете сил, брат, который готов был отдать всю свою жизнь за сестру.

Я уныло брел к старому дому, и в голове у меня опять копошилась мысль о возможности избавиться от всего этого, уехав в город, но я упорно гнал эту мысль от себя, во-первых, потому, что Ольга заметно крепла и поправлялась, а во вторых — что подобное бегство, без видимой и понятной причины, представлялись мне положительно постыдным.

Оставалось терпеливо ждать, но, как оказалось впоследствии, ждать нужно было совсем уж не так долго.

Ближайшая почтовая контора, в которую направлялась корреспонденция, адресованная в Борки, находилась в местечке Калиновичи, через которое мы проезжали, когда ехали с вокзала.

Каждую неделю два раза пан Тадеуш посыпал мальчика верхом за почтой, и, чтобы не утомлять коня, эта посылка производилась всегда перед вечером.

В описываемый день почта немного запоздала, и мы получили ее уже за ужином.

Зачитавшись газет в своей комнате, я не заметил, как наступила уже поздняя ночь. Ольга давно спала. Я улегся и потушил лампу.

Луна вступала в свою первую четверть и освещала фруктовый сад, который был хорошо виден из моего окна, и я почему-то загляделся на деревья, облитые мягким светом.

Вдруг мне показалось, что точно светлое облако проплыло мимо моего окна. Я приподнял голову с подушки и стал присматриваться, и мне снова показалось, что прямо перед моим окном, должно быть, у края грядок разбитого Ольгой цветника, стоит какая-то белая фигура.

Я сел на кровати и протер глаза. Да, перед окном действительно стоял кто-то в белом.

Я встал и осторожно, чтобы не разбудить Ольгу, дверь в комнату которой оставалась открытой, стал пробираться к окну.

Фигура двинулась влево и исчезла за косяком.

Я быстро подбежал и, приложив лицо к самому стеклу, посмотрел влево. Там никого не было. Правда, сквозь просветы винограда, обвивавшего террасу, которая была мне хорошо видна, как будто мелькнуло что-то неопределенное, светлое, но это могло мне и показаться.

Я вернулся и лег. Мои нервы были не в порядке.

«Плохо дело, — думал я, — вся эта глупая история, кажется, начинает доводить меня до галлюцинаций».

Я долго не мог заснуть, но, когда утром пробудился от веселого голоса Ольги, то чувствовал себя прекрас-

но и даже серьезно не вспоминал о ночном происшествии. Мало ли что могло почудиться, особенно при столь обманчивом лунном свете.

Но на следующую ночь повторилось почти то же самое. Я почему-то лег позже обычного и едва начал дремать, как вдруг широко открыл глаза.

Стояла такая же лунная ночь. Так же резко обрисовывались на небе контуры фруктового сада, и на фоне его я опять увидел ту же странную белую фигуру.

Она стояла прямо перед моим окном в густой тени, откидываемой домом, и разобрать что-либо было чрезвычайно трудно.

Я опять было направился к окну, но фигура исчезла так же, как исчезла и накануне.

Я осторожно открыл окно и долго осматривался и прислушивался. Кругом было светло и тихо. Ни один звук не касался моего слуха, только какие-то мелкие кузнечики мелодично стрекотали среди листвьев деревьев.

Я закрыл окно и лег. Я не могу сказать, чтобы этот, уже второй раз повторяющийся случай, меня пугал. Если он и внушал мне страх, то лишь в отношении состояния моего здоровья, так как все это я относил к области нервов.

Я боялся, что под впечатлением ощущений, так остро переживаемых мною на площадке, у меня начинаются галлюцинации, хотя последний случай заставил меня сильно призадуматься: на этот раз эта странная белая фигура показалась мне уж слишком реальной, хотя она опять находилась в тени, что лишило меня возможности ее подробно рассмотреть.

Во всяком случае, я решил приняться за исследование этого дела основательно, и осуществить это в следующую же ночь.

Я нарочно засиделся у пани Вильгельмины после ужина дольше обычного, и мы вернулись домой часов около одиннадцати.

Простившись с Ольгой, я против обыкновения прикрыл дверь в ее комнату и, присев к лампе, стал просматривать какую-то книгу.

Я слышал, как Ольга укладывалась и как отпустила Параску; слышал, как закрылась дверь из коридора в ближайшую комнату на солнечной стороне дома, где жили девушки, и в доме все стихло.

Я потушил лампу и, сняв ботинки, чтобы не стучать, слегка приоткрыл окно, чтобы его можно было сразу распахнуть, и тихо уселся на стуле, поставленном около самой стенки, с правой стороны от окна.

Из сада меня заметить было невозможно, тем более, что я был в темно-сером костюме.

Я просидел полчаса, три четверти часа, быть может, целый час: ничего не было, и кругом стояла необыкновенная тишина.

Луна, должно быть, была довольно высоко на небе, но от дома все-таки падала на землю густая тень.

Меня начинало клонить ко сну. Нет-нет, да я ловил себя на том, что мои веки слипались, и, вероятно, я заснул.

Вдруг я вздрогнул всем телом и широко открыл глаза.

Не перед окном, а у противоположной стороны его, у самого оконного косяка, а следовательно, прямо против меня стояла белая фигура. Я впился в нее глазами и почувствовал, как у меня по спине поползли какие-то холодные и противные мурашки.

То, что я видел, было так реально, что никакая мысль о галлюцинации не могла прийти мне в голову.

Предо мной стояла женщина довольно высокого роста, стройная и, по-видимому, молодая, с руками, опу-

щенными вдоль тела. Она была одета в какие-то белые одежды, спускавшиеся продольными складками до самой земли, а на ее голову было накинуто какое-то покрывало, которое свешивалось с ее плеч, но рассмотреть ее лица я все-таки не мог: она стояла в слишком густой тени.

Я сделал над собой усилие и хотел встать и открыть окно, но или я был так поражен, или испуг сковал мои члены, словом, я не мог даже пошевельнуться и только смотрел глазами, готовыми выскочить из своих орбит.

Длилось это, вероятно, недолго. Странная белая фигура двинулась вдоль стены, резко обрисовалась на темном фоне виноградной террасы и исчезла за ней, на секунду мелькнув в лучах луны.

Мое оцепенение вдруг исчезло. Я вскочил и, совершенно не давая себе отчета в том, что я делаю, но однако же, стараясь не производить никакого шума, я, задыхаясь от волнения, открыл дверь в соседнюю комнату и, чуть не бегом, направился вдоль пустых хором.

Все двери были открыты. Последняя комната с портретом еврейки была вся залита светом луны, и сквозь выходящие к дикому саду окна я успел заметить, как странная белая фигура, как бы не шагая, а скользя над поверхностью земли, тихо утонула в мрачном устье аллеи.

Я стоял, совершенно ошеломленный, и вдруг мой взгляд упал на портрет: его пристальный, пронзительный взгляд, казалось, проникал мне в самую душу, и никогда еще не было в нем такого сильного выражения мольбы, смешанной с отчаянием.

Я невольно попятился назад. Я чувствовал, как мои волосы начинают шевелиться на голове, и вдруг сильнейшая нервная дрожь охватила все мое тело.

Схватившись руками за голову и уж не думая о необходимости соблюдать тишину, я чуть не опрометью кинулся вдоль анфилады пустых комнат к своей двери, но тут я вдруг вскрикнул и остановился.

Спрятав лицо в мою подушку, Ольга стояла на коленях, вся сотрясаясь от рыданий.

Я поднял ее, посадил на свою кровать, накинул ей на плечи одеяло и всячески старался ее успокоить, но я сам был слишком взволнован, и это мне удавалось плохо.

Из ее несвязанных, вырывающихся сквозь слезы слов для меня стало понятным, что и Ольга видела привидение.

Она рассказывала мне, что, проснувшись среди ночи и увидев дверь в мою комнату закрытой, чего никогда раньше не бывало, она почему-то вдруг испугалась и, встав с постели, осторожно, чтобы не разбудить меня, открыла дверь. Тут она увидела картину, от которой она вся оцепенела от ужаса: на стуле около окна я, сидя, спал, а прямо против окна, как будто глядя на меня, стояло привидение.

— Я сразу узнала его, — говорила Ольга, — это была та же фигура, которую мы видели с лодки на площадке. Я тогда долго на нее смотрела и хорошо ее запомнила.

Ольга хотела вскрикнуть, но дыхание сперлось у нее в горле и, дрожа всем телом, она продолжала стоять, ухватившись обеими руками за полуоткрытую дверь.

В это время привидение двинулось влево и скрылось за косяком окна, а я проснулся.

Далее, рассказывала Ольга, когда я выбежал из комнаты, она инстинктивно бросилась за мной, но остановилась у двери и тут снова, сквозь всю анфиладу комнат, видела, как привидение тихо проплыло мимо одного из окон комнаты с портретом еврейки.

Ольга уронила одеяло со своих плеч и, обхватив меня за шею своими обнаженными руками, она шептала сквозь слезы:

— Митя, милый, дорогой, уедем отсюда, из этого несчастного дома. Над этой усадьбой, должно быть, тяготеет какое-то проклятие. Теперь понятно, почему бедный дядя больше трех месяцев не мог тут прожить. Эта ужасная женщина замучит нас обоих. Посмотри, на что ты стал похож, как ты похудел за последнее время. Ты, быть может, этого не замечаешь, а я-то ведь вижу. Я знаю, ты меня любишь и делаешь все, чтобы окружить меня покоем, но скажи мне, сознайся по совести, ведь ты видел это привидение раньше? правда, видел? потому что, если бы ты его не видел раньше, зачем же тебе было сидеть у окна и ждать его?

По мере того, как Ольга говорила, я быстро успокаивался. Привидение захватило меня слишком врасплох, но теперь рассудок вступал в свои права. Мне было стыдно моего испуга, и во мне поднималось чувство протеста, раздражения и злобы.

— Да, ты права, — отвечал я Ольге, — я вижу это привидение не в первый раз, но скажи мне теперь и ты, и тоже по совести, ты сама веришь в привидения?

— Я не знаю, Митя, я только ужасно его боюсь.

— Ну, а я вот что тебе скажу: я ни в какие привидения не верю, а потому и не должен их бояться, хотя, конечно, могу от неожиданности и струсить, как это и случилось со мной сегодня. Повторяю, я не верю в привидения и я глубоко убежден, что мы делаемся жертвой чьей-то мистификации.

Ольга широко открыла глаза.

— Я тебя не понимаю.

— А вот сейчас поймешь. Так как, по-моему, настоящих привидений не бывает, то те привидения, которые являются людям, а в том числе и наше приви-

дение, создаются кем-либо со строго определенной целью. Цель эта всегда бывает одна: пугать людей и играть на их страхе. Вот наше привидение нас и пугает. Для чего же может быть нужно это пугание?

Для того, чтобы мы уехали. Если мы должны уехать, то, следовательно, мы кому-то мешаем. А из этого всего вытекает только одно заключение: привидение устраивает тот, кому наше присутствие в Борках нежелательно.

— Пан Тадеуш? — воскликнула Ольга.

— Ну конечно, — отвечал я, — только ему одному мы можем мешать, следовательно, он, а не кто иной, нас и пугает.

— Митя, — сказала Ольга, — мне трудно этому поверить; это, кажется, такие достойные люди, и они так сердечно к нам относятся.

— А ты не заметила разве, как пан Тадеуш переглянулся с женой, когда ты рассказывала о белой фигуре, которую мы видели с лодки? А как он молча и, по-видимому, с неудовольствием выслушал мое распоряжение нанять для тебя вторую девушку?

— Нет, не заметила.

— А я заметил; да и вообще, мне кажется, что за последнее время пан Тадеуш, ко мне, по крайней мере, стал относиться как-то странно и сдержанно.

— Я думаю, что это вызывается тем, что ты сам за последнее время стал очень задумчив и неразговорчив.

— Может быть, и так, но все происходящее я могу объяснить только тем, что мистифицирует нас именно пан Тадеуш; не сам, конечно, а через кого-либо из своих клевретов, и это привидение я поймаю во что бы то ни стало и проучу его так, что у него на всю жизнь пропадет охота морочить людей. Согласись, что теперь мне ни в каком случае не следует уезжать отсюда, но если

ты желаешь, то для твоего спокойствия я отправлю тебя в город хоть завтра.

— Нет! нет! — вскрикнула Ольга, ухватившись за мою руку. — Я ни за что не оставлю тебя здесь; для меня это будет гораздо тяжелее.

— Тогда останемся, и я буду ловить привидение, но заняться этой охотой я могу только при том условии, если я буду совершенно спокоен за тебя и буду знать, что ничто не нарушит твоего покоя; поэтому выслушай мой братский приказ, каковых приказов ты, моя умница, никогда не нарушала. Во-первых, собери несколько портьер, их в пустых комнатах много, и сделай на своих окнах плотные занавески, чтобы никто не мог к тебе заглядывать со двора, чтобы тебя пугать. Во-вторых, дверь в мою комнату должна быть ночью заперта, не на замок, конечно, а лишь плотно притворена, чтобы тебя не пугали через мое окно, так как я боюсь, что главная атака будет направлена именно на тебя, потому что тебя испугать легче, а пан Тадеуш хорошо знает, что для тебя я сделаю все. В третьих, одна из твоих девушек должна каждую ночь спать в твоей комнате; она может на ночь приносить матрац и устраиваться на полу. Другая — должна спать в пустой комнате около твоей двери; можно отгородить ей уголок: ширмы у нас тоже есть, а дверь на ночь закрывай на задвижку. В-четвертых, и во фруктовый и в дикий сад ты должна ходить только в сопровождении обеих девушек, а после захода солнца они должны следовать за тобой всюду, куда бы ты ни шла; и, наконец, ты должна жить и главным образом спать совершенно спокойно и верить в то, что, что бы ни случилось, а я тебя в обиду не дам.

Ольга обняла меня и несколько раз поцеловала. Я отвел ее в ее комнату, уложил в постель и прикрыл потеплее.

— Ну, спи, моя детка, и ничего не бойся. Из своего горького опыта я уже убедился, что эта белая кукла является в ночь только один раз; нужно же и кукле спать.

Я шутил, чтобы успокоить Ольгу, но у меня самого на душе было неспокойно.

Уверенность в том, что меня мистифицирует пан Тадеуш, становилась во мне все крепче и крепче. Я сознавал, что мне предстоит тяжелая борьба, а между тем мои нервы, как назло, все больше и больше разгуливались.

Я был убежден, что я не верю в привидение; что я не боюсь его; что сильным порывом воли я могу сорвать с него весь его таинственный покров, а на глубине моей души, точно смеяясь надо мною, шевелилось предательское сомнение — ой, не выдержишь; ой, сдашь и побежишь так же, как бежал часа два тому назад из комнаты с портретом еврейки.

Не спалось. Я долго ворочался на своей постели, обдумывая план действий для предстоящей охоты.

Только под утро, когда начинало уже рассветать, я забылся тяжелым болезненным сном.

VII

ОХОТА

Я проснулся поздно, с тяжелой головой и в дурном настроении духа. Идти к пани Вильгельмине, где мне неизбежно нужно было встретиться с паном Тадеушем, не хотелось, но я превозмог себя и пошел.

Все уже напились чая. Ольга с пани Вильгельминой чистили какие-то ягоды для варенья. Пан Тадеуш что-то записывал в книгу и прикидывал на счетах.

Поздоровался он со мной с его обычной изысканной вежливостью, но мне показалось, что держал себя он как-то неестественно и старался мне в глаза не смотреть.

Пани Вильгельмина что-то рассказывала Ольге со своей обычной приветливостью, но Ольга была молчалива и бледна. Вообще, чувствовалась какая-то натянутость.

Пан Тадеуш по обыкновению спросил меня, чем я предполагаю сегодня заняться, и мне опять показалось, что он старался не смотреть мне в глаза.

«Чует», — подумал я и ответил, что сегодня мне не здоровится, я плохо провел ночь и пойду прогуляться по лесу.

Пан Тадеуш, выслушав меня молча, снова углубился в свою работу и как-то особенно громко щелкал на счетах, что почему-то меня раздражало.

Неприязненное чувство к этому человеку, в мирных и интересных беседах с которым я еще так недавно с удовольствием проводил целые часы, росло во мне все сильнее и сильнее.

Я изредка взглядывал на него, как бы соразмеряя

наши силы в предстоящей борьбе. Конечно, весь перевес был на моей стороне, но ведь все будет зависеть от результатов первой схватки, а в ней пан Тадеуш участвовать не будет. Мне предстоит в этой схватке столкнуться с неведомым мне врагом, и борьба будет не столько физическая, сколько духовная.

В этой борьбе я должен буду нападать, а враг мой, чтобы остаться победителем, должен, ни на минуту не дрогнув, спокойно выдержать мою атаку. Тогда я неизбежно должен буду поверить в его таинственную природу и буду поражен, то есть, должен буду спасаться от него и бежать из Борок.

А если я не испугаюсь?

Враг мой должен был понимать, что он затевает слишком серьезную игру и ставит на карту не только результат этой игры, но и свою собственную жизнь, и раз он идет на такой риск, то значит, он обладает достаточными духовными силами для того, чтобы с самого начала парализовать меня и не дать мне возможности начать нападение, которое могло быть для него роковым.

Итак, борьба сводилась к обычному концу: победит тот, у кого нервы окажутся крепче, а у меня нервы от пережитого за последнее время сильно расшатались.

Я долго бродил по лесу, обдумывая образ своих действий для предстоящей ночи. Он, в сущности, был очень прост: я должен был занять позицию на виноградной террасе и сквозь окружающую ее листву наблюдать за появлением привидения из-за угла комнаты с портретом.

Затем я должен был пропустить его мимо террасы к моему окну и отрезать ему отступление, а после этого, попросту подойти к нему, навести на него револьвер и приказать следовать за собой; учинить ему надлежащий допрос с пристрастием, заставить его выдать свое-

го вдохновителя, которым, разумеется, окажется пан Тадеуш, и в заключение отдубасить это «привидение» так, чтобы оно этого никогда не забыло, а с паном Тадеушем разделяться особо.

Вся задача заключалась в том, чтобы ни на одну минуту не допустить в себе нелепой мысли о действительности привидения, и по мере того, как проходил этот знаменательный для меня день, во мне все более и более росла уверенность в самом себе и в победе.

В этот день я купаться не ходил; я еще не усваивал себе связи, которая могла существовать между привидением и испытываемыми мною на площадке неприятными ощущениями, но чувствовал, что эта связь должна существовать, и не хотел подвергать свои нервы лишнему испытанию.

Наступил вечер, а вместе с ним и ужин у пани Вильгельмины. Мы ушли немедленно после его окончания, и я простился с паном Тадеушем довольно холодно.

Как я себя ни сдерживал, но он, очевидно, почувствовал, какое твердое решение созрело у меня на душе, и я боялся, что он примет меры предосторожности и даст мне немногого отдохнуть.

Во всяком случае, будет сегодня ночью выступление или нет, я решил сторожить. Самая мысль о том, что эта глупая белая кукла может опять явиться дурить меня через окно, возмущала меня до глубины души, и терпеть этого глумления я больше не хотел.

С чувством стыда, чуть не вызывавшим краску на мое лицо, я вспоминал о том, как прошлой ночью я бежал из комнаты с портретом от одного вида этой куклы через окно. Нервы мои сразу успокоились, и я чувствовал себя какой-то заряженной бомбой.

«Самое подходящее настроение для предстоящей схватки», — думал я, возвращаясь с Ольгой после ужина.

Распоряжения мои, отданные Ольге накануне, были выполнены в точности. Окна ее комнаты были зашены так, что сквозь них даже свет лампы не проникал. Параска устроила себе постель на полу около стены, отделяющей мою комнату; Варя поставила свою кровать в пустой комнате за ширмой, около самой двери в комнату сестры; Варельян по-прежнему должен был спать в своем уютном уголке под лестницей, неподалеку от двери в пустую комнату. Таким образом, Ольга со всех сторон была окружена людьми — и людьми, которые, по-видимому, были ей достаточно преданы за ее постоянное ласковое и приветливое отношение.

Убедившись, что Ольга в безопасности, я стал приготавляться к предстоящей охоте. Я надел темное плащье, заменил ботинки мягкими туфлями и тщательно осмотрел и перезарядил свой браунинг большого калибра.

Около одиннадцати часов ночи, когда у Ольги было уже темно и тихо, я осторожно вышел на виноградную террасу, прикрыв за собой дверь в переднюю, и уселся на заранее поставленную там низкую скамейку.

Я поместился у самого левого края террасы, в глухой тени широко разросшихся виноградных ветвей и у самого начала лестницы, спускавшейся на дорожку, которая огибала весь дом.

Одного прыжка было достаточно, чтобы, пропустив привидение, очутиться у него в тылу и отрезать ему путь к отступлению.

Спасаться через забор, отделявший фруктовый сад от двора, привидение не рискнет, так как забор высок и в длинных одеяниях перепрыгнуть его не так-то легко, бежать же во фруктовый сад оно тоже не осмелится: там, среди чащи, развить потребную скорость невозможно, и я его изловлю моментально; единствен-

ным удобным путем отступления было направление в сторону аллеи и дикого сада, и этот-то именно путь мне и нужно было отрезать.

Слева сквозь виноградную заросль я проделал себе незаметное отверстие, через которое мне хорошо был виден угол комнаты с портретом, из-за которого привидение должно было появиться.

Я просидел около получаса. Должен сознаться, что по временам я начинал волноваться, но в общем был достаточно спокоен и не сомневался в успехе.

Воспользовавшись лучом луны, прорывавшимся сквозь листву, я взглянул на часы: было без десяти минут двенадцать.

«Скоро», — подумал я, и вдруг на меня набежала маленькая волна робости. Сомнение и неуверенность шевельнулись где-то в глубине души, но я сделал над собой усилие: не нужно терять самообладания ни на секунду.

Я плотнее прижался к листву, и, вынув браунинг, положил его на колени, не выпуская из руки.

Хотя я всеми силами старался владеть собой, но меня постепенно все сильней и сильней охватывало волнение. Я уже чувствовал, как кровь стучит у меня в ушах.

Прошло несколько минут.

Луна поднималась все выше и выше.

Непрерывное стрекотание кузнечиков вдруг умолкло. Наступила какая-то особенно жуткая, гнетущая тишина.

Облитые фосфорическим светом луны деревья и кустарники стояли предо мной, как силуэты, откидывая от себя густые черные тени.

Хоть бы какой-либо звук...

Я почему-то стал пристально всматриваться в чащу деревьев, стоявших недалеко предо мной.

Со стороны дикого сада на меня чуть слышно по-

тянуло каким-то холодком. Я встрепенулся и, осторожно повернувшись налево, заглянул в приготовленное мной отверстие. Никого не было, только угол комнаты с портретом особенно резко вырисовывался на фоне залитой лунным светом зелени.

Я опять взглянул вперед и так и обмер.

Прямо предо мной, у нижней ступени террасы, все-го в какой-либо сажени от меня, стояло привидение, все облитое лунным светом.

Все планы борьбы с ним как вихрь пронеслись в моей голове. Я сделал над собой нечеловеческое усилие и хотел встать и броситься с револьвером в руках, но едва я двинулся, как холодный, леденящий ужас охватил меня с ног до головы и приковал меня к месту... Я заметил, что лунный свет, обливавший привидение, точно струился сквозь него, а от самой его фигуры на песок дорожки падала слабая, почти незаметная тень.

Я весь съежился и, вытянув вперед шею, не мог оторвать глаз от стоявшего предо мной призрака.

Браунинг выскользнул из моей руки и упал в разросшуюся в проломе пола траву.

Я не знаю, долго ли я оставался в таком состоянии.

Вдруг привидение стало медленно поднимать по направлению ко мне свою правую руку. Накинутое на его голову белое покрывало соскользнуло с его плеча, и яркий свет луны упал на закрытое до тех пор лицо.

Я отшатнулся, и вся кровь застыла в моих жилах...

Предо мной стояла во весь рост еврейка, изображенная на портрете, висящем в угловой комнате.

Я не мог не узнать ее с первого же взгляда: те же черты необыкновенно красивого молодого лица; те же вьющиеся волосы, падающие на лоб и уши; тот же взгляд, полный мольбы и упрека, только все было как-то расплывчато и прозрачно.

Она протянула ко мне свою руку, вся подалась вперед, и вдруг я заметил, что ее губы зашевелились. По прекрасному лицу ее пробежало выражение мучительного усилия, и я не то что услышал, а всеми фибрами своего существа почувствовал:

— Похорони меня по еврейскому обряду, и я тебе за это отслужу...

Эти странные слова донеслись до моей души не как шепот, а как какой-то тихий вздох; я не слышал их, я только совершенно ясно понял смысл этого вздоха.

Мне кажется, что с этого момента я потерял сознание, но, когда я очнулся, я продолжал сидеть на моей скамейке, прислонившись плечом и головой к виноградным ветвям. Предо мной никого не было.

Было так же светло, тихо и жутко.

VIII

НА ПЛОЩАДКЕ

Было бы слишком долго и слишком трудно описывать мое душевное состояние на другой день. Мне казалось, что во мне все перевернулось. То, что представлялось мне всегда нелепым и невозможным, стало до очевидности реальным.

Я испытывал такое ощущение, точно почва была выбита из-под моих ног.

Предо мной стояла таинственная загадка, которую я должен был или разрешить немедленно, или от которой мне нужно было спасаться и бежать.

Я с большим опозданием явился к чаю; Ольга встретила меня тревожным взглядом, и этот взгляд ее я ловил на себе несколько раз, пока сидел у пани Вильгельмины.

Пан Тадеуш с утра уехал по делам в Калиновичи и должен был вернуться лишь к вечеру.

Когда мы возвращались после чая, Ольга взяла меня под руку.

— Митя, ты страшно изменился за эту ночь. Что случилось? Ты видел привидение, ловил его?

— Привидение я видел, — отвечал я по возможности спокойно, чтобы не пугать сестру, — но не ловил его. Это дело мне начинает казаться гораздо более серьезным, чем этого можно было ожидать. Во всяком случае, пан Тадеуш тут ни при чем.

— Так кто же?

— Не знаю, милая. Ты меня пока не допрашивай; в свое время я все расскажу тебе подробно, а теперь я тебе задам небольшую работу: прикажи твоим девушкам немедленно вымыть полы и окна в верхнем по-

мещении и сегодня же перебираясь туда.

— Как, я одна?

— Нет, там ведь три комнаты. Одну тебе, одну мне, а в третьей помести девушки. Варельян может оставаться на своем месте внизу.

— Разве нам угрожает какая-либо опасность?

— Нет; я опасности пока никакой не предвижу, но неприятностей может случиться много, а наверху нам будет спокойнее.

До самого обеда мы возились с переездом. Ольга привезла кое-что из мебели, взятой в разных комнатах, и повесила на всех окнах и дверях тяжелые драпировки.

В нашем новом помещении стало уютно и хорошо, а в связи с этим и на душе у меня сделалось несколько лучше. Я теперь знал, что я не являюсь жертвой галлюцинаций, так как призрак видел не только я один, позавчера видела его и Ольга. Я поверил также и в действительность привидения, хотя все это оставалось для меня совершенно непонятным.

«Нужно во что бы то ни стало исполнить просьбу этой несчастной, не находящей себе покоя души», — думал я, возвращаясь с обеда в старый дом.

В тяжелом раздумье обошел я наши прежние помещения, постоял немного перед окном, сквозь которое я видел призрак, и затем прошел в угловую комнату.

Там, еще много дней тому назад, я поставил стул у стены, противоположной портрету, и теперь опустился на него.

Красавица-еврейка смотрела из своей рамы прямо мне в глаза.

Как завороженный, сидел я на своем стуле, не отрывая от нее взгляда.

Да, тут не может быть никаких сомнений; именно ее, а не кого-либо другого, я видел вчера у виноградной террасы.

По мере того, как я теперь смотрел на портрет, изображенное на нем лицо оживало все больше и больше. Исполненные бесконечной мольбы и упрека глаза так и проникали своим взором в мою душу.

Я невольно напрягал зрение. Мне начинало казаться, что ее губы шевелятся и я опять слышу, как легкий вздох, так поразившие меня прошлой ночью слова:

— Похорони меня по еврейскому обряду, и я тебе за это отслужу.

Я вздрагивал. Иллюзия исчезала. С холодного полотна смотрело на меня мастерски написанное, дивно красивое лицо, но выражение мольбы и упрека по-прежнему лилось в мою душу из больших синих глаз.

И я опять смотрел в эти глаза, и опять они оживали и оживали, губы шевелились и я слышал, то есть чувствовал эти слова.

И у меня на душе все росло непреодолимое желание во что бы то ни стало и как можно скорее исполнить ее просьбу.

— Но как? — думал я вслух. — Я все сделаю для тебя, что только в моих силах, но где я найду твои останки? Помоги мне; укажи их мне, но не мучь меня, потому что все это выше моих сил.

Мои мысли остановились на площадке. Ведь там я видел ее в первый раз. Там и я и Ольга перенесли столько мучений. Нужно искать там или начинать поиски с этого места.

Погруженный в свои тяжелые думы, я как-то машинально прошел сквозь анфиладу пустых комнат и вышел на виноградную террасу. Обогнув угол дома, я медленно прошел вдоль всей аллеи и очутился на площадке.

Было около трех часов дня. Солнце стояло высоко и заливало своим горячим светом и сад, и протоку, и луга, но на западе залегла тяжелая грозовая туча.

Верхние облака, захватив почти третью часть неба, поднимались громадными, ярко освещенными клубами, а под ними широкой полосой лежала темно-фиолетовая туча, по которой изредка извивались молнии. Грома слышно еще не было.

Я прошел через площадку и опустился на верхнюю скамейку. На этот раз я не испытывал своих обычных мучительных ощущений.

Кругом стояла необыкновенная тишина, такая тишина, которая всегда бывает при приближении бури, и это яркое сияние солнца, наряду с надвигающейся темной и страшной тучей, составляли такой контраст, который придавал всей окружающей меня природе какую-то жуткую окраску.

Зеркальная вода в протоке почернела. Широкие ивы, стоящие по бокам пристани, точно под каким-то гнетом опустили свои печальные ветви к самой воде. Птицы и насекомые притихли, и высокие липы и вязы, окружающие площадку, стояли с какой-то особенно напряженной неподвижностью.

Во всем чувствовалось приближение грозы, а между тем, несмотря на ее близость, солнце сияло так приветливо, вдоль дорожек, убегавших в дикий и фруктовый сад, так пышно разрослись и блестели разными красками полевые цветы, только все это носило на себе какой-то гнетущий, зловещий оттенок благодаря приближающейся туче.

Низко опустив голову, я сидел в глубоком раздумье. Я даже не помню, о чем я думал в те минуты, только вдруг я почему-то вздрогнул и поднял голову.

На противоположной стороне площадки, у самого можжевелового куста, точно свиваясь и развиваясь в

ярких лучах солнца, стоял уже знакомый мне бледный призрак еврейки.

Если ночью, при лунном свете, этот призрак внушил мне такой страх, то теперь, когда я увидел его среди белого дня, в ярких лучах солнца, я испытал такой непреодолимый ужас, о возможности которого я даже не предполагал.

Я закричал каким-то жалким, детским криком и, охваченный не поддающейся никакому описанию паникой, сорвался со скамейки и как сумасшедший кинулся бежать.

Наклонившись вперед, точно пытаясь спрятать куда-то свою голову, я летел вдоль дорожки, ведущей к фруктовому саду. Я рвал ногами густо разросшуюся траву и цветы; ветви деревьев хлестали меня по лицу, а я все бежал и бежал, боясь остановиться, боясь взглянуть назад, боясь днем услышать так пугавший меня голос.

Наконец, я запнулся за какой-то пенек и со всего размаха упал лицом в траву.

Я чувствовал, что все погибло, что последняя капля упала и в без того переполненную чашу. Я чувствовал, что оставаться в Борках более немыслимо и что ни днем, ни ночью я не буду уже иметь покоя, так как все время буду ждать встречи с ужасным призраком.

Отдаленный удар грома глухо донесся до моего слуха. Передовые облака надвигающейся тучи набежали на солнце. Все потемнело. Пронесся порыв ветра и стих.

Я встал и поднял свою шляпу. Я едва держался на ногах и чувствовал себя разбитым, больным и бесконечно несчастным.

Не оглядываясь назад, я сделал большой круг по фруктовому саду, прошел на виноградную террасу и поднялся по лестнице наверх. Здесь я неожиданно столкнулся с Ольгой.

Я, должно быть, имел такой ужасный вид, что она вскрикнула и отступила назад.

— Дмитрий! Что с тобой? Что случилось? — спросила она, но я отмахнулся от нее рукой.

— Потом, потом я все тебе расскажу. Немедленно собирайся. Завтра утром мы уезжаем в город

— Господи! Да что же это такое! — воскликнула Ольга.

Но я ее не слушал. Я прошел в свою комнату, запер дверь и бросился на кровать.

Крупные капли дождя застучали по стеклам.

Я лежал, закрыв лицо руками, и мне казалось, что я схожу с ума.

Разразилась сильнейшая гроза с проливным дождем и непрерывными молниями и раскатами грома. Под сильными напорами ветра наш старый дом, а в особенности его верхний этаж, где мы теперь помещались, чувствительно вздрагивал.

Как это ни странно, но разбушевавшаяся погода действовала на меня очень благоприятно. Мои нервы успокаивались все более и под конец, под шум ветра и стук дождя по оконным стеклам, я, утомленный происшествиями, крепко заснул.

IX

ПИСЬМО ОТ ПОКОЙНОГО ДЯДИ

Я проснулся, когда уже совсем стемнело. В моей комнате огня не было, но сквозь открытую дверь из комнаты Ольги по моему полу протянулась длинная освещенная полоса.

Ольга тихо разговаривала с одной из своих девушек. Я окликнул ее.

Она поспешило вошла и села ко мне на кровать.

— Ну, как ты себя чувствуешь? — спросила она заботливым тоном, ласково гладя меня по руке.

— Ничего себе, я очень хорошо спал.

— Хочешь ужинать? от пани Вильгельмины уже приходили. Пан Тадеуш попал под самый дождь и промок до костей; он привез почту; есть газеты и письмо от Сергея Ивановича.

— Ты иди, Оля, ужинать, но захвати с собой Параску и Варю, а я есть не хочу; пришли мне только чая.

— И мне не хочется есть, отвечала Ольга. — Параска, — кликнула она, — зажги, пожалуйста, тут лампу, а потом сходи с Варей к пани Вильгельмине. Скажи, что мы ужинать не приедем и просим прислать нам чая. Сейчас я принесу тебе почту, — добавила она, обращаясь ко мне.

Письмо от Сергея Ивановича было очень толстое и, сверх обыкновения, заказное.

Я вскрыл конверт. Сергей Иванович писал, что им получен на мое имя из Ниццы целый тюк разных бумаг, документов и переписки, оставшихся после дяди. Все это он решил сохранить у себя до нашего возвращения, но оказавшийся среди прочего пакет, адресованный на мое имя, он при этом прилагает.

Это был большого почтового формата конверт из плотной бумаги, запечатанный сургучной печатью дяди.

Бережно, с чувством какого-то благоговения, я открыл адресованное мне письмо, писанное человеком, которого уже не было в живых.

Несколько листов большого формата были исписаны крупным старческим почерком.

Мы с Ольгой присели поближе к лампе и принялись читать.

«Дорогой племянник Дмитрий, — писал покойный дядя, — я чувствую, что конец мой близок, и что мне необходимо написать тебе это письмо; не знаю, успею ли и сделаю ли это так толково, как бы мне хотелось.

Кроме тебя и твоей сестры Ольги, которой я, к сожалению, никогда даже не видел, у меня нет близких родственников, поэтому я и не оставляю духовного завещания; ты с сестрой останетесь моими единственными наследниками.

Кроме небольшой суммы денег и разных мелочей, которые останутся после меня в Ницце, вы унаследуете мое большое имение Борки.

Оно находится в управлении у некоего Лясковского. Должен сообщить тебе, что это человек испытанный мною честности и великолепный хозяин.

Я не навязываю тебе ничего, но если ты сохранишь Лясковского в качестве управляющего, то вы с Ольгой будете получать с Борок прекрасный доход, который даст вам возможность жить, ни в чем не нуждаясь. По этим же соображениям я советовал бы вам этого имения не продавать.

Но над усадьбой его тебе, Дмитрий, придется серьезно поработать, и я очень прошу тебя отправиться туда одному, но ни в каком случае не брать с собой сестру. Ей, как женщине, может оказаться не под силу

то, что придется тебе там испытать.

Боюсь, что, читая нижеизложенные строки, ты будешь улыбаться, но ничего, ты все-таки прочти все это внимательно и хорошенько запомни, так как со всем этим тебе придется столкнуться по приезде в Борки, поэтому-то и не бери с собой сестру.

В усадьбе живет привидение. Это призрак молодой еврейки, изображенной на портрете, висящем в угловой комнате старого дома, обращенной на юго-запад.

Этому призраку, по-видимому, не дано власти выходить за пределы сада; ни в старом доме, ни в каком-либо ином месте усадьбы или имения его встретить нельзя. Кроме того, он является только законным владельцам Борок, и ни одно постороннее лицо никогда его не видело.

Если сможешь, не бойся этого призрака; он совершенно безвреден; он только просит похоронить его, то есть, останки молодой еврейки, по еврейскому обряду, и обещает за это отслужить.

Я собственными глазами видел этот призрак много раз и при самых неожиданных условиях. Где находятся останки еврейки, я не знаю, но, вероятнее всего, их нужно искать в диком саду, в конце длинной липовой аллеи, выходящей на площадку на берегу протоки.

Я это думаю потому, что там я всегда испытывал мучительное ощущение присутствия какого-то невидимого мне существа.

Боюсь, что с этим ощущением придется ознакомиться и тебе, но на всякий случай предупреждаю, что ощущения этого я не испытывал, когда бывал на площадке не один, а в сопровождении кого-либо постороннего.

Я всеми силами старался собрать какие-либо сведения относительно еврейки, изображенной на порт-

рете, но это было очень трудно; про еврейку никто ничего не знал, а упоминать о ее призраке я не мог, боясь прослыть за сумасшедшего.

Все же мне удалось узнать кое-что, а именно от старого еврея Кельмана, который в мое время содержал на краю деревни лавочку; быть может, он еще жив.

После долгих обхаживаний старого Кельмана мне с большим трудом удалось выведать от него довольно странную историю.

Он рассказал мне со слов не то своего деда, не то прадеда, проживавшего, как и весь его род, в Борках, что в старое время, в самый разгар крепостного права, имение это принадлежало какому-то помещику особенно дикого и жестокого нрава.

Не имея семьи и обладая самым разнуданным характером, помещик этот завел у себя в усадьбе целый гарем, который пополнял крепостными девушками, захватываемыми им из нескольких принадлежавших ему соседних деревень.

Гарем этот помещался в небольшом доме, который в те времена стоял на месте современного старого дома, построенного по распоряжению одного из позднейших владельцев Борок.

В одну бурную ночь, вернувшись из своего очередного набега, которые этот помещик совершил, окруженный своими опричниками, он привез с собой на седле своего коня молоденькую еврейскую девушку дивной красоты.

Где она была похищена, никто не узнал, но помещик так влюбился в нее, что даже разогнал свой гарем и выписал из города какого-то знаменитого по тем временам художника, который и нарисовал с еврейки вышеупомянутый портрет. Портрет этот всегда висел в кабинете помещика.

Спустя недолгое время после поселения в усадьбе красавицы-еврейки, в соседних деревнях стал появляться какой-то никому не известный молодой еврей.

Был ли он возлюбленным или женихом похищенной девушки, неизвестно, но только ему каким-то образом удалось подкупить одну из дворовых женщин, которая, пользуясь временными отъездами своего барина, устраивала ему свидания с еврейкой в самых глухих местах уже бывшего тогда дикого сада.

Конечно, это не могло долго оставаться в тайне от помещика, в котором закипела бешеная ревность. Была устроена засада, и в одну из темных ночей помещик сам накрыл влюбленную парочку.

Во время происшедшей при этом схватки еврей был ранен, но каким-то чудом бежал и скончался от своих ран в одном из соседних селений, что же касается до еврейки, то с тех пор никто, нигде и никогда ее не видел.

Помещик вскоре после этого переселился в город, где и умер от пьянства и беспутной жизни, но с тех пор всем законным владельцам Борок, которые сменялись очень часто, стал появляться призрак еврейки, прося похоронить останки усопшей по еврейскому обряду и обещая за это отслужить.

Рассказывая мне все это с подробностями, которые мне трудно теперь тебе передать, старый Кельман высказывал свое предположение о том, что в порыве ревности жестокий помещик убил молодую еврейку и захоронил ее где-то в диком саду, и вот с тех пор душа ее не может найти себе покоя и не найдет его, пока останки ее не будут погребены по еврейскому обряду.

При постройке нынешнего дома, которая произвилась при жизни Кельманова отца, портрет еврейки был повешен на то место, где он находился и при мне.

Я прожил в Борках всего три месяца и не только не исполнил просьбы несчастной еврейки, но бежал от нее постыдным и недостойным для мужчины образом. Мне стыдно в этом пред тобой сознаться, но, быть может, меня оправдает то, что в те времена у меня, кажется, уже начиналась та болезнь моего сердца, которая сводит меня в могилу, и вот теперь, оставляя тебе и сестре твоей Ольге мое богатое имение и обеспечивая вас на всю жизнь, я, уходя из этого мира, завещаю тебе, Дмитрий, сделай то, чего твой малодушный дядя так бесстыдно сделал не сумел: найди кости несчастной еврейки и похорони их со всеми обрядами еврейской религии».

На этом письмо прерывалось. Подписи не было, но подлинность письма была для меня несомненна: с почерком дяди я уже достаточно ознакомился, рассматривая его переписку с паном Тадеушем.

Я вложил письмо в конверт и спрятал его в ящик письменного стола.

Еще несколько часов тому назад я сказал Ольге, что мы завтра уезжаем, но теперь положение вещей резко изменилось. И вследствие просьбы призрака, и во имя последней воли дяди, не исполнить которую я не почитал для себя возможным, я должен был оставаться в Борках, пока не найду останков еврейки и не предам их погребению.

В самых спокойных тонах, стараясь не напугать Ольгу, я рассказал ей о моих встречах с призраком у виноградной террасы и на площадке, и заявил ей, что я остаюсь в Борках, но хотел бы, чтобы она уехала в город, потому что Бог знает, какие еще могут последовать проишествия: но, услышав это, Ольга сперва замахала руками, а потом бросилась мне на шею.

— Никогда, никогда, — твердила она, — я не оставлю тебя здесь одного. Я такая же владелица Борок

и наследница дяди, как и ты, поэтому и просьба призрака и воля дяди относятся ко мне так же, как и к тебе. Я всегда тебя слушаюсь и буду слушаться и впредь, и если по ходу поисков для тебя это представится необходимым, я буду по целым дням сидеть в комнате, запервшись с Паракой и Варей, но только я тебя не оставлю здесь одного.

Что оставалось с ней делать? Пришлось подчиниться ее воле, и мы еще долго сидели и беседовали о предстоящей нам работе.

X

НАЧАЛО ПОИСКОВ

На следующий день я проснулся с восходом солнца. Несмотря на вчерашние переживания, я чувствовал себя спокойным и бодрым. Предо мной стояла строго определенная цель, и она поднимала во мне энергию и веру в себя и в успех. На площадку, однако, я не пошел.

За чаем у пани Вильгельмины напряжения последних дней не ощущалось. Вероятно, я сам создавал его своими подозрениями в отношении пана Тадеуша, но когда я предложил ему прогуляться по лесу и поговорить, старик заметно встревожился и стал метаться, ища свою шляпу и черешневую палку, с которой он никогда не расставался.

Выйдя за ворота, я взял пана Тадеуша под руку, и мы пошли между высокими соснами по усыпанной хвоей и влажной после вчерашнего дождя земле.

— Пан Тадеуш, — начал я по возможности ласковым тоном, чтобы успокоить старика, — я знаю вас не так долго, но уже убедился в том, что я должен смотреть на вас, как на друга и человека, преданного Боркам и мне с сестрой.

Пан Тадеуш низко склонил свою седую голову.

— Я буду глубоко счастлив, — сказал он торжественным тоном, — если вы и панна Ольга никогда не измените этого мнения, столь лестного для меня и столь отвечающего действительности.

— Так вот, пан Тадеуш, мне и хотелось поговорить с вами откровенно по поводу некоторых явлений, которые я наблюдаю в Борках и которые представляются для меня совершенно непонятными.

По лицу пана Тадеуша опять пробежало выражение тревоги.

— Я вас слушаю, — сказал он, весь насторожившись.

— Скажите, знаете ли вы что-нибудь о портрете молодой еврейки, который висит в угловой комнате старого дома?

— Я знаю этот портрет, потому что он висел там еще тогда, когда я поселился в Борках, но кто на нем изображен, мне совершенно не известно.

Пан Тадеуш говорил спокойно, но в тоне его голоса мне показалось что-то недоговоренное.

— А знаете ли вы, что призрак этой еврейки появляется в саду и около старого дома? — продолжал я его допытывать.

Пан Тадеуш приподнял брови, но потом по его лицу проскользнуло что-то вроде усмешки.

— Я должен сознаться, что об этом я когда-то и что-то слышал, но, прошу меня извинить, относил все это исключительно к области бабьих сказок.

— А между тем, это не сказки: я сам видел этот призрак несколько раз и, если хотите, даже говорил с ним.

Пан Тадеуш остановился и сделал недоумевающее лицо.

— Я вас не понимаю, — сказал он. — Вы ведь шутите, без сомнения?

— Нисколько не шучу.

— Прошу еще раз меня извинить, но я не могу этому поверить. Такой просвещенный человек, как вы, не может делаться жертвой каких-то призраков.

— Тут не приходится, пан Тадеуш, верить или не верить. Ведь призрак видел не только я один, его видела и сестра.

— Как, и панна Ольга?

— Да и Ольга.

— Я совершенно ничего не понимаю. Я живу в Борках тринадцать лет и не только не видел никаких призраков, но ничего даже об них и не слышал, а если мне об этом и говорил, так говорил бывший до меня управляющий имением, который, сдавая мне дела, что-то рассказывал об этом, но лишь, как о легенде.

— Что же говорил вам прежний управляющий?

— О, это было так давно, что я не могу уже вспомнить; что-то действительно в связи с портретом еврейки, но я тогда совершенно не придал этому никакого значения и не заинтересовался этим.

Мы некоторое время шли молча.

— Я вижу, что вы действительно по этому делу ничего не знаете, — сказал я, — но вчера вы привезли мне с почты письмо, написанное моим покойным дядей, по-видимому, незадолго до его кончины. Прочтите это письмо, и вам все станет понятным.

Я вынул письмо из кармана и передал его пану Тадеушу.

— Надеюсь, вы не сомневаетесь в подлинности этого письма?

— О, конечно; это рука вашего покойного дяди; я слишком хорошо ее знаю.

Мы сели в тени большой сосны. Пан Тадеуш надел очки и углубился в чтение

— Странно; очень странно, — сказал он, возвращая мне письмо.— Ваш дядя, насколько я его, по крайней мере, знал, был вполне серьезным человеком, и трудно предположить, чтобы он стал такими вещами шутить, да еще чувствуя приближение смерти. Так вы говорите, что сами видели призрак и говорили с ним?

— Видел, и сестра видела, и призрак просил меня похоронить его, то есть, конечно, останки женщины, по еврейскому обряду.

— Положительно непостижимо. Где же вы видели этот призрак?

— Около старого дома и на площадке, у можжевелового куста.

— Гм. Удивительно! Что же вы предполагаете делать?

— Искать останки еврейки, пока не найду.

Пан Тадеуш помолчал некоторое время.

— Да, — сказал он, — больше ничего не остается, как искать. Старого Кельмана я хорошо знал, так как при мне он лет пять арендовал у нас лавку в конце деревни, но потом он уехал, и там живет теперь другой арендатор, тоже еврей, некто Янкель Тункель.

— Я думаю, нужно начать с того, чтобы попытаться найти Кельмана и поподробнее его расспросить, но только мне хотелось бы, пан Тадеуш, не придавать этой истории широкой гласности.

— Да-да, — подтвердил пан Тадеуш, — я вас вполне в этом отношении понимаю, и на меня вы можете смело положиться.

— Тогда, если хотите, пройдем сейчас к Янкелю; не знает ли он, где можно найти Кельмана?

— Конечно, — отвечал пан Тадеуш, вставая.

Не входя в усадьбу, а обогнув ее сосновым лесом, мы прошли на деревню. Янкель встретил нас с низкими поклонами, но добиться от него какого-либо толка нам не удалось. Он, конечно, хорошо знал старого Кельмана, от которого он купил лавку и даже дал ему отступного, но Кельман, переселившись в Калиновичи, лет семь тому назад умер, вскоре после смерти его жены, а после них никого в Калиновичах не осталось.

— Первый шаг неудачен, — говорил пан Тадеуш, возвращаясь со мной по улице деревни, — но этого можно было ожидать; еще живя в Борках, Кельман был уже очень стар. Что же будем делать дальше?

— Пока, с вашего позволения, пойдем к пани Вильгельмине, так как, вероятно, скоро будет обед, а затем примемся за дело, но только, повторяю, мне хотелось бы производить эти поиски только с вами, чтобы по возможности не придавать этому огласки. Конечно, если мы встретимся с какими-либо тяжелыми работами, то нужно будет пригласить кого-либо на помощь.

— Я всецело в вашем распоряжении, — сказал пан Тадеуш.

МОЖЖЕВЕЛОВЫЙ КУСТ

Где же начинать поиски?

Это было для меня совершенно ясным. И без указания дяди я начал бы искать раньше всего на площадке, и именно под возвышением, на котором рос можжевеловый куст. Недаром у этого куста явился мне призрак в последний раз.

Немедленно после обеда мы с паном Тадеушем, взяв по топору и лопате, отправились на площадку. С нами шла Ольга. Я не почитал себя вправе лишить ее возможности присутствовать при раскопках, тем более, что с нами был пан Тадеуш, и мы имели основание предполагать, что в его присутствии мы не будем испытывать наших мучительных ощущений.

Однако же, по мере того, как, идя по аллее, мы приближались к площадке, на душе у меня все более и более поднималась робость, и предо мной ясно вставала картина моего последнего посещения этого места, когда я с вытаращенными от ужаса глазами сидел на верхней скамейке, а у самого можжевелового куста, весь струясь и переливаясь в лучах солнца, стоял бледный призрак еврейки.

А вдруг, когда мы тронем землю, быть может, прикрывающую останки еврейки, призрак появится опять? Как можем мы быть уверены в том, что и на этот раз присутствие постороннего человека, в лице пана Тадеуша, нас от всего этого гарантирует. А ведь, Ольга подобного зрелища может и не выдержать.

Моя робость росла все более и более. Ольга была бледна и все время держала меня под руку. Пан Тадеуш был сосредоточен и молчалив.

Придя на место, я прошел через площадку и сел на верхнюю скамейку. За мной молча последовали и остальные.

Я хотел посидеть немного и успокоиться, да к тому же проверить, не появятся ли у нас с Ольгой наши ощущения, но все было благополучно; ни у меня, ни у Ольги, насколько я, по крайней мере, мог судить по выражению ее глаз, обычного в этом месте ощущения чьего-то невидимого присутствия не появлялось.

Я встал, обошел кругом и внимательно осмотрел можжевеловый куст. Он занимал площадь не менее квадратной сажени и был, по-видимому, очень стар. Среди его густых и высоко разросшихся колючих ветвей виднелось множество старых пеньков от ветвей давно усохших и сломанных.

Пан Тадеуш молча следовал за мной с топором и заступом в руках.

— Знаете что, пан Тадеуш, — сказал я, — нам двоим эта работа будет, пожалуй, не под силу; я к ней совершенно не привычен, а для вас она может быть и вредна.

— Мне тоже это кажется, — отвечал он, — ведь, раньше чем начать копать, нужно выкорчевать весь этот куст, а уж это одно чего стоит.

— Тогда вот что, позовите человека два рабочих из усадьбы, только пусть за ними сходит сестра; вы знаете, что нам с ней, как владельцам имения, не следует оставаться одним на этом месте.

— Тогда, если панна Ольга будет так любезна, я попросил бы ее приказать Варельяну прислать сюда немедленно Архипа и Макара.

Ольга ушла, а мы с паном Тадеушем снова сели на верхнюю скамейку. Я испытывал такое ощущение, точно находился вблизи покойника: даже курить не хотелось.

Через несколько минут Ольга вернулась, а за ней явились два молодых здоровых работника.

Под руководством пана Тадеуша они дружно принялись за работу. Один нагибал ветви куста, другой срубал их топором. Скоро весь куст был срублен и в виде большой бесформенной кучи зелени лежал на середине площадки.

Копать мы решили в ширину всего куста, и тут-то и началась каторжная работа. В земле, казалось, было больше корней, чем самой земли. Все они широко разрослись по всем направлениям и страшно перепутались.

Можжевельник рос тут, по-видимому, в течение многих десятков лет. Пан Тадеуш, по крайней мере, говорил, что, когда он увидел его в первый раз, он был таким же широким и разросшимся, как и во время нашего приезда.

Работать приходилось не столько заступами, сколько топорами, и, когда солнышко стало склоняться к западу, мы углубились в землю не более, как на поларшина.

Пришлось работу отложить до утра.

Отпустив Макара и Архипа, мы пошли ужинать, и я все время думал о том, а что будет, если мы под кустом ничего не найдем?

На следующее утро мы снова принялись за работу немедленно после чая.

Попросив пана Тадеуша послать за рабочими, я нарочно прошел вперед и очутился на площадке один. Я сел на верхнюю скамейку и стал прислушиваться к своим ощущениям.

Стояло прекрасное августовское утро. Сквозь густую листву дикого сада прорывались приветливые лучи недавно взошедшего солнышка и испещряли площадку,

всю утопавшую в тени, небольшими светлыми пятнами.

Над зеркальной водой протоки медленно ползли полоски тумана, а широко раскинувшиеся луга с купами деревьев подернулись мягкой голубоватой дымкой.

Кругом было так тихо и так хорошо, и на душе у меня было хорошо. Я отчетливо чувствовал, что Борки — это прелестный уголок, с которым никогда не следует расставаться. Зимой можно работать в городе, а летом отдохнуть здесь.

И жизнерадостность, и энергия, и душевный покой охватили все мое существо. Я не испытывал ни малейших неприятных ощущений, которые всегда преследовали меня в этом месте.

Я встал.

«Место поисков выбрано правильно», — подумал я и смелыми и решительными шагами направился к яме.

Вдали аллеи, приближаясь к площадке, показались пан Тадеуш и Ольга, за ними шли Архип и Макар с инструментами.

В утренней прохладе работа закипела. Вокруг ямы медленно рос целый вал черной паучей земли, перемешанной с множеством обрубков корней; но когда солнышко стало сильно припекать, мы успели углубиться не более, как на один аршин, считая от поверхности земли. Корней по-прежнему была масса, что делало работу очень тяжелой.

Сделали перерыв для обеда и отдыха, а с трех часов дня опять принялись за работу. К вечеру корней стало значительно меньше, а черная земля начала понемногу переходить в песок.

Мы были уже на глубине почти полуторых аршин, но никакого признака останков еврейки не было.

Начало смеркаться. Работу пришлось прекратить.

Та энергия, которая охватила меня с утра, начала заметно падать, и опять на душе росло опасение того, что мы роем не там, где нужно.

Я решил копать до двух аршин глубины, а затем.... я не знал, что будет затем.

XII

НАХОДКА

Я провел ночь беспокойно и, проснувшись до восхода солнца, прошел на площадку и сел на верхнюю скамейку.

Еще когда я выходил из своей комнаты, я слышал, что Ольга тоже встает, а через несколько минут и она пришла следом за мной в сопровождении своих обеих телохранительниц.

Ольга села около меня, а девушки, робко держась за руки, боязливо заглядывали в огромную яму. Слух о производимых нами работах уже разнесся по усадьбе, но цель этих работ оставалась для всех неизвестной. Конечно, все думали, что мы ищем какой-либо клад.

— Пошли девушек домой, — шепнул я Ольге.

Она не то с удивлением, не то с испугом взглянула на меня, но сейчас же исполнила мою просьбу.

Мы остались вдвоем.

Ольга теснее придинулась ко мне. Я чувствовал, что она и за себя, и за меня боится. Мы молча просидели несколько минут, но все было благополучно, и Ольга постепенно успокоилась.

— Ну, что? — спросил я ее.

— Не страшно, — отвечала она, — а тебе?

— И мне не страшно; а знаешь, почему?

— Почему?

— Потому, что мы находимся на правильном пути и копаем именно там, где нужно. Поняла? — добавил я, шутливо трепля ее по плечу.

— Поняла, — отвечала она весело.

— А теперь пить чай и за работу.

И, взявшись за руки, как дети, мы весело побежали вдоль липовой аллеи.

Огибая угол дома, я на минутку приостановился и прильнул лицом к стеклу. Красивые глаза еврейки пристально смотрели на меня, и в них выражалась та же мольба, но она на этот раз показалась мне тихой, кроткой и полной надежды.

Под этим взглядом на меня опять хлынула волна энергии и уверенности в успехе.

После чая мы снова принялись за работу. Корней осталось уж совсем немного, и яма быстро углублялась.

Вдруг что-то едва слышно звякнуло под заступом Макара. Он нагнулся, покопался рукой в земле и поднял какой-то маленький твердый предмет. Это была небольшая граненая бусина, не то из стекла, не то из какого-то состава. Она, вероятно, потеряла свой блеск, но вполне сохранилась.

— Э, да тут еще есть такие, — сказал Макар, опять наклоняясь к земле.

Я спрыгнул в яму. Осторожно разгребая землю руками и разминая ее комья, мы собрали с одного места штук двадцать таких бусин различной величины. Очевидно, это было рассыпавшееся ожерелье с постепенно уменьшающимися в размере бусинками. Конечно, оно могло принадлежать только женщине.

Я взял лопату у Архипа, и мы с Макаром принялись разгребать землю с особенной осторожностью.

Вскоре я наткнулся на довольно твердый предмет и стал бережно сгребать с него землю. Это была плечевая кость руки. Она совершенно потемнела и имела густой пепельный цвет. Кость еще была цела, но при самом ничтожном усилии она несомненно разломалась бы на части.

Я долго рассматривал ее, вертя в руках, и на душу мою сходили радость и успокоение.

И Ольга, и пан Тадеуш, и Архип, вылезший из ямы, столпились около самого ее края, жадно глядя широко открытыми глазами на мою находку.

— Пан Тадеуш, — сказал я, — есть у нас совершенно чистый и хороший ящик?

— Конечно, есть. Архип, — обратился он к работнику, — беги скорей в каретник. Там, знаешь, стоит несколько ящиков; принеси самый чистый и самый лучший.

Архип побежал; я, между тем, продолжал раскопки, работая больше руками, чем лопатой.

Немедленно же мной были найдены две лучевые кости руки. Обминая с них комки земли, я вдруг к общему удивлению обнаружил на этих костях браслет цепочкой.

Он несомненно был сделан из золота, но, благодаря примеси лигатуры, весь почернел. По размеру браслета можно было судить о том, что он был надет на очень тоненькую руку.

Моей радости положительно не было границ; было ясно, что мы нашли останки женщины, которая не могла быть не кем иным, как еврейкой, нарисованной на портрете.

Вслед за этим был обнаружен и весь скелет вместе с черепом. Он лежал в земле в какой-то неестественной, скрюченной позе, точно тело было не положено, а просто брошено в вырытую яму и наскоро засыпано землей.

Между тем, прибежал Архип, неся большой ящик из чистых сосновых досок. За ним следовали, робко вытянув головы вперед, Параска, Варя и Варельян.

Не доходя площадки, они остановились, но Ольга сделала им знак рукой, разрешая приблизиться, и все они, погрузившись выше щиколоток в свежую землю, окружавшую яму, стали заглядывать в нее.

При помощи своих девушек Ольга быстро уложила на дно ящика слой древесных ветвей, осыпанных цветами, и мы стали складывать в ящик кости, по мере их откапывания.

Собирали мы их очень тщательно, в чем нам много помогал светлый цвет грунта в этом месте.

Я особенно внимательно осмотрел череп. Судя по виду зубов, целиком сохранившихся в обеих челюстях, можно было легко заключить, что кости принадлежали весьма молодой женщине.

К обеденному времени работа была окончена, и хотя мы, конечно, не складывали скелет, но я так старательно перебрал всю землю собственными руками, что мог с уверенностью сказать, что в яме не осталось ни одной, даже самой маленькой косточки.

— Закапывайте яму, — скомандовал я рабочим, в то время как Ольга прикрывала кости, лежавшие в ящике, свежей зеленью.

Через несколько минут яма, на вырытие которой было затрачено столько времени и труда, была засыпана. Излишек земли, чтобы не оставлять большого холмика, мы разбросали между деревьями.

Ящик с костями мы поставили на месте бывшего куста и, прикрыв его крышкой, слегка приколотили ее гвоздями,

— Спасибо вам, братцы, за работу, — сказал я Макару и Архипу, — сегодня же господин управляющий выдаст вам за нее особое вознаграждение. Спасибо и вам, пан Тадеуш, — сказал я, протягивая ему руку, — а теперь с легким сердцем пойдем к пани Вильгельмине обедать.

Обед прошел очень оживленно. И я и Ольга чувствовали, что мы исполнили долг, который тяготел не только над нами и покойным дядей, но, быть может, и над целым рядом прежних владельцев Борок.

XIII

ПОХОРОНЫ

Теперь нужно было позаботиться о двух вещах: во-первых, на всякий случай поставить о нашей находке в известность жившего в Калиновичах станового пристава, Максима Ивановича, который, как оказалось, был большим приятелем пана Тадеуша и у которого он постоянно останавливался во время своих частых поездок в Калиновичи; во-вторых, нужно было предать земле по еврейскому обряду найденные нами кости.

На следующее утро я приказал заложить лошадей в коляску, и мы с паном Тадеушем поехали в Калиновичи.

Максим Иванович был дома и встретил нас очень приветливо. Я рассказал ему, что мы, копая яму в саду, нашли совершенно рассыпавшийся и полуистлевший человеческий скелет, пролежавший в земле, по-видимому, много десятков лет, и что я почел себя обязанным довести об этом до сведения Максима Ивановича, как власти предержащей, на тот предмет, что не найдет ли он необходимым произвести по этому поводу дознание, а самые кости подвергнуть осмотру, но добродушный Максим Иванович замахал на меня руками и, очевидно, считая инцидент с костями исчерпанным, кликнул девку Нюрку и приказал ей немедленно подавать водку и закуску.

Просидев у Максима Ивановича около часа, мы отправились к старосте еврейской общины. Узнав о цели нашего посещения, последний немедленно пригласил кантора местной синагоги и представителя от похоронного братства.

Пан Тадеуш по моему поручению рассказал целую историю о еврейской девушке, которая якобы давным-давно умерла в Борках, но, за отсутствием духовенства ее исповедания, была погребена без соблюдения надлежащих обрядов, и что теперь я, вступив во владение имением, якобы хочу это исправить и похоронить останки еврейки, что называется, по первому разряду. В заключение он добавил, что за расходами я не постю, лишь бы все было сделано, как того требует еврейская религия.

Добавление это произвело надлежащее впечатление, и церемониал предстоящих похорон был выработан немедленно во всех его подробностях.

Оставив евреям соответствующий задаток, мы зашли к Максиму Ивановичу и немедленно уехали в Борки к обеду, с которым нас ждали пани Вильгельмина и Ольга.

После обеда мы вместе с Ольгой прошли на площадку; там все было по-прежнему; та же куча ветвей, оставшихся от можжевелового куста, и тот же ящик с костями на небольшом возвышении.

Мы просидели на верхней скамейке не менее часа, обмениваясь впечатлениями о своих переживаниях за последнее время.

Ни я, ни Ольга абсолютно не испытывали никаких неприятных ощущений, наоборот, несмотря на близость костей, сложенных в ящике, мы чувствовали себя необыкновенно спокойно и радостно.

После ужина мы немедленно легли спать, чтобы завтра встать пораньше.

Следующее утро было очень хорошее: лучезарное и, как это бывает в конце августа, немного прохладное.

В восьмом часу утра во двор усадьбы въехал ката-фалк. На нем стоял специально изготовленный, ввиду необыкновенных условий погребения, гроб. За ката-

фалком следовали дрожки, на которых прибыли представитель похоронного братства и командированное кантором лицо.

Мы сняли гроб и перенесли его на площадку. Здесь нас уже ждали пани Вильгельмина, Ольга и ее девушки. Гроб наполнили свежей зеленью и цветами и бережно перенесли в него из ящика останки еврейки вместе с ее браслетом и бусами. Затем все это было снова густо покрыто зеленью и к гробу была прикреплена его крышка, на которую Ольга возложила большой венок из свежих цветов.

После краткой молитвы, совершенной представителем кантора, гроб подняли и понесли на руках вдоль липовой аллеи. Спереди поддерживали его мы с Ольгой, которой помогал пан Тадеуш, сзади два еврея, а по бокам остальные.

Вынеся гроб во двор, мы поставили его на катафалк, и траурная процессия медленно двинулась в путь через ворота, выходящие в сосновый лес. Впереди следовал катафалк, лошадей которого вели под уздцы два бывшие при нем еврея, за ним в своем экипаже ехали представители братства и кантора, далее в коляске мы с Ольгой и, наконец, пан Тадеуш в своем тарантасе.

После долгого и утомительного пути, лишь около полудня, мы въехали в Калиновичи.

Здесь, в самом предместье, нас встретил кантор с хором певчих, и в торжественной процессии мы двинулись к синагоге, причем экипажи ехали сзади, а мы с Ольгой и паном Тадеушем следовали пешком, непосредственно за гробом.

У синагоги было совершено надлежащее молебствие, после чего процессия двинулась на кладбище.

Нас сопровождала огромная толпа евреев. Казалось, что все местечко было поднято на ноги. Это объяснялось, вероятно, как редкой для бедного населения пыш-

ностью похорон, так и тем, что эти похороны совершились русскими.

На кладбище, на одном из самых лучших и дорогих мест, уже была приготовлена могила. В отступление от порядка, в силу которого еврейские покойники погребаются без гробов, останки нашей еврейки были опущены в могилу вместе с гробом.

По окончании всех чуждых нам обрядов и непонятных молитв, могила была засыпана землей, и на образовавшемся на ней холмике остался лишь венок цветов, привезенный Ольгой.

Поручив обнести могилу оградой, убрать ее живыми растениями и цветами, воздвигнуть на ней по истечении установленного срока надгробный памятник и совершить надлежащее поминовение души усопшей, мы щедро расплатились с похоронным братством, канторм и хором и, напутствуемые почтительными поклонами со стороны собравшихся евреев, покинули кладбище и возвратились в Борки.

После позднего обеда мы прошли с паном Тадеушем на площадку, перенесли ящик, в котором были кости, на груду уже увядших ветвей можжевельника, прибавили довольно большое количество сухого хвороста и соломы и все это сожгли дотла.

На месте бывшего куста Ольга попросила пана Тадеуша посадить к будущей весне несколько кустиков сирени и жасмина.

— Ну, Оля, — сказал я сестре, сидя с ней на верхней скамейке, — мы сделали с тобой большое дело. Теперь в Борках можно с удовольствием жить и отдыхать, и ничто нас здесь не может беспокоить.

— Да, — отвечала она, — но мы сделали еще больше. Мы дали успокоение несчастной душе, которая мучилась, вероятно, в течение многих десятков лет.

— А ведь как все это странно... — и мы долго сидели с Ольгой и беседовали о случившемся с нами, столь необыкновенном и таинственном произшествии.

XIV

КАТАСТРОФА

С этого времени мы с Ольгой опять зажили в Борках тихой и спокойной жизнью, такой жизнью, какой мы жили здесь в первую неделю после приезда.

Между тем, лето приходило к концу, и надвигалась осень. Вечера стали длинными. Днем солнышко еще сильно припекало, и бывало жарко, но ночи становились холодными. Изредка даже появлялись утренники, свежие и бодрящие.

Мы с Ольгой по-прежнему продолжали купаться, хотя вода делалась все холоднее и холоднее, но купались мы уже только перед обедом, когда солнышко пригревало сильнее всего и с протоки исчезал туман, ставший по поверхности воды каждое утро и иногда заползавший по саду до самого дома.

Хотя о каких-либо страхах уже не было никакой речи, но Ольга по привычке всегда ходила на пристань со своими девушкиами, с которыми она успела очень сблизиться.

Необходимость капитального ремонта нашего старого дома становилась все более чувствительной. Все расселись; дуло изо всякой щели, и по ночам мы с Ольгой дрожали, натягивая на себя всякие пледы и пальто.

Чувствовалось, что скоро необходимо будет покинуть наши милые Борки, которые после всего пережитого здесь стали нам такими близкими и дорогими; но что было делать, осень надвигалась быстрыми шагами.

Мы чуть не каждый вечер, переговариваясь с Ольгой из-под своих одеял через соединявшую наши ком-

наты дверь, назначали день отъезда, и каждое утро, радуясь лучам теплого солнышка и любуясь тихими и грустными картинами близкой к увяданию природы, опять его откладывали.

Да и что было особенно спешить? Опасность нам угрожала только со стороны дождливого периода осени, но собраться мы могли буквально в полчаса, а крепкие и хорошо выкормленные паном Тадеушем лошадки живо довезли бы нас до железной дороги во всякую погоду.

Наступили опять ясные и лунные ночи, которые осенью обладают особенной прелестью.

В одну из таких ночей я сладко спал, прикрывшись сверху одеяла своим пальто.

Не знаю, долго ли я спал, но вдруг что-то холодное, как лед, прикоснулось к моему лбу, и я, по-видимому, находясь еще во сне, отчетливо услышал чей-то голос, который проникал мне не то что в уши, а прямо в самую душу.

— Скорей! Вставай скорей!

Я вздрогнул и широко открыл глаза.

В комнате не было совсем темно. Тяжелые драпировки, повешенные Ольгой на моем окне, были немного раздвинуты, и сквозь щель между ними прорывался узкой полосой свет луны.

Около моей кровати, частью в полумраке комнаты, частью оставаясь в полосе лунного света, стоял призрак еврейки.

Те же длинные, спускавшиеся до полу одежды, тоже накинутое на голову и свисающее с плеч покрывало, те же черты дивно красивого молодого лица, только в глазах его уже не было мучительного выражения мольбы и упрека.

Я смотрел на нее в каком-то оцепенении, и, как это ни странно, на этот раз нисколько ее не испугался.

И вдруг опять, не в ушах, а где-то внутри меня, властно зазвучал знакомый мне голос.

— Скорей! Не теряй ни одной минуты!

Я вскочил с кровати. Мне показалось, что я проснулся во второй раз. Предо мной никого не было, только полоса лунного света тянулась через мою комнату, но луна светила как-то не ровно, а точно вспыхивая и потухая.

Я окончательно очнулся. Первое, что я ощутил, это был сильный запах гари. Я сорвался с постели и, подбежав к окну, раздвинул портьеру.

Стоящие в стороне перед домом деревья были облиты красным заревом огня, а мимо стекол моего окна медленно поднимались клубы густого дыма.

«Пожар!» — мелькнуло у меня в голове.

Я распахнул окно. Нижний этаж в сторону рогового крыльца горел, и пламя огромными языками уже вырывалось из окон. Если не считать шума и треска огня, кругом стояла ничем не нарушающая тишина.

Страяясь ни на минуту не терять самообладания, я вбежал в комнату Ольги.

— Скорей вставай, Оля! — кричал я и, схватив ее за плечи, я поднял и посадил ее на кровати.

— Скорей! — крикнул я опять. — Пожар! Наш дом горит! Надевай, что попало; нужно спасаться!

Убедившись, что Ольга окончательно проснулась, я, натаскивая на себя по пути одежду, бросился в комнату девушек.

От моего крика они уже пробудились и, перепуганные, не то визжа, не то плача, метались по комнате.

— Не кричите и не бойтесь! — крикнул я им. — Идите за мной!

Я снова вбежал к Ольге. Она уже оделась и дрожащими руками надевала на себя пальто.

— Идем! — Я схватил ее за руку и потащил, захватив другой рукой со своей кровати пальто.

Мы выбежали на площадку лестницы. Нам в лицо пахнуло горячим дымом, и я с ужасом заметил, что нижняя часть ступенек и перила уже были объяты с одной стороны огнем.

Задыхаясь от едкого дыма, я накинул Ольге на голову свое пальто, крепко обхватил ее за талию и бросился вниз по лестнице, прямо в огонь.

Ольга громко вскрикнула, и я почувствовал, что она вдруг сделалась очень тяжелой: она лишилась сознания.

Крепко прижимая ее к себе и хватаясь свободной рукой за местами еще целые, но уже горячие перила, я в несколько прыжков сбежал по лестнице.

Цепляясь за меня и спотыкаясь, с криком и слезами, успели спрыгнуть и обе девушки.

Внизу дым был так густ и горяч, что я чуть не задыхался. Проникнуть вдоль коридора на роговое крыльцо было невозможно: там все уже было в огне.

Не выпуская из рук бесчувственную Ольгу, я кинул ее в дверь, ведущую в пустую комнату, рядом с нашим прежним помещением. Здесь дыма было много, но дышать все же было легче; огня еще не было, но в комнате было уже жарко.

Спастись через виноградную террасу я не рискнул. Голова у меня кружилась, в ушах звенело, и я сам каждую минуту мог лишиться сознания.

Я бросился к окну, сильным ударом выбил всю раму, перекинул через подоконник Ольгу, выпрыгнул через нее в сад и, снова взял ее на руки, отбежал с ней подальше от горящего дома и, раскинув на мокрую от холодной росы траву свое пальто, бережно положил на него сестру.

Следом за мной, вскрикивая и всхлипывая, бежала Варя.

— Где Параска? — спросил я ее, но она ничего мне не ответила и только тряслась всем телом.

Я бросился опять к выбитому мною окну.

Когда я бежал к нему, я взглянул на верхний этаж. Обращенные в эту сторону окна комнаты, где жили девушки, были ярко освещены. Там уже горело.

И вдруг в моей памяти опять пронеслись слова: «Скорей, не теряй ни одной минуты».

Пробудясь я этой минутой позже, и мы, быть может, уже задохлись бы в дыму и пламени верхнего этажа, лишенные возможности спастись по горящей лестнице.

Но и теперь нужно было спешить: и Параска, и Варельян оставались еще в доме.

Я подбежал к выбитому окну. Благодаря образовавшейся тяге из него валил густой дым, но, к счастью, шел как-то поверху.

Набрав побольше воздуха, я вскочил в комнату и сразу же наткнулся ногами на лежащее на полу тело. Это была Параска. И от дыма и от страха бедная девочка лишилась чувств.

Я начал вытаскивать ее из окна, сам едва не задыхаясь.

— Варя, Варя! — кричал я.

Немного пришедшая в себя на свежем воздухе Варя показалась под окном. Я опустил с подоконника тело Параски, но Варя была не в силах его удержать, и оно упало на землю, как мешок.

Варя уцепилась за руки своей подруги и стала тащить ее волоком через грядки Ольгиного цветника.

Варельян! Где был Варельян?

Он спал в коридоре под лестницей. Неужели он задыхался там в огне и дыму, когда мы пробегали ми-

мо? И у меня до боли сжалось сердце. Варельян погиб! В те минуты я, спасая сестру и себя, совершенно забыл про бедного мальчика.

Все эти мысли как вихрь неслись в моей голове, пока я стоял, нагнувшись как можно ниже, где воздух был менее насыщен дымом.

Вдруг я услышал какой-то стон. Мне показалось, что он доносился из прежней Ольгиной комнаты.

Стараясь не выпрямляться, я вбежал в эту комнату. От зарева пожара там было светло; дыма было много, но дышалось сравнительно легко.

У одной из стен комнаты, разметавшись на постланном на полу матраце, лежал Варельян. Я подбежал к нему и стал его тормошить. Мальчик тихо стонал, но не пробуждался.

Сквозь неплотно закрытую дверцу печки, около которой лежал Варельян, из-под пепла мелькнул горячий уголек.

Мне сразу все стало ясно. Варельян был в состоянии тяжелого угаря.

Очевидно, сильно промерзший по ночам мальчик, никого не спросясь, переселился в бывшую комнату Ольги, и, потихоньку протопив на ночь печку, закрыл ее раньше времени с угаром. Сквозь дымоход, не осматривавшийся и не ремонтировавшийся в течение долгого ряда лет, пламя где-то прорвалось и подожгло дом.

Боясь возвращаться в соседнюю пустую комнату, я быстро открыл окно в сад и, с помощью подбежавшей Вари, вытащил сквозь него Варельяна, а затем мы общими силами перенесли его к Ольге, к которой Варя уж успела дотащить и Параску.

Все это медленно рассказывается, но все это делалось с ужасающей быстротой, и действительно, медлить было некогда.

Вся солнечная сторона дома и верхний этаж его уже были в огне, который быстро перекидывался на остальные части дома; только угол с портретом еврейки еще чернел на ярком фоне зарева, хотя и был весь окутан клубами густого дыма.

«Еще не все спасены», — подумал я и побежал в сторону этого угла.

В порыве благодарности мне хотелось вырвать из власти огня портрет той, которая, вовремя разбудив меня, спасла нас с Ольгой от верной смерти.

Я попытался проникнуть в дом через виноградную террасу, но дверь была закрыта изнутри, а сквозь щели ее валил дым.

Я побежал к окну, выходящему в сторону липовой аллеи, и попробовал открыть его снаружи, но ухватиться было не за что. Вся комната была полна дыма и в ней было темно.

Я нажал локтем на нижнее стекло. Оно треснуло и со звоном посыпалось на пол.

Прямо в лицо мне пахнуло горячим дымом. Откуда-то в комнату ворвался целый спон огня, и при свете его я на одну какую-нибудь секунду увидел портрет.

Еврейка смотрела мне прямо в глаза; ни мольбы, ни упрека в этом взоре не было, и мне даже показалось, что по лицу ее скользнула едва заметная ласковая улыбка, но все это длилось, повторяю, не более одной секунды.

У меня закружилась голова и я, тихо опустившись на мокрую от росы траву, отполз по земле в сторону.

Угол дома, крепившийся до сих пор, запылал. Весь дом был объят бушевавшим пламенем, которое в совершенно тихом воздухе поднималось вверх огромным столбом, унося с собой бесконечное количество искр. И небо, раскинувшееся, как дымный шатер, и

сад и вся усадьба были ярко освещены заревом пожара.

Я пробежал к Ольге. И она и Параска уже пришли в себя и широко открытыми, наполненными ужасом глазами смотрели на страшную картину.

Варельян лежал на спине с раскинутыми руками и тихо стонал. Он все еще не мог очнуться.

Вдруг я услышал громкий крик. Я взглянул через забор в сторону двора: весь облитый красным светом, полуодетый, с растрепанными волосами, непрерывно крича, бежал пан Тадеуш.

Бедный старик, вероятно, считал, что мы с Ольгой погибли, но, увидев нас сквозь забор, он начал быстро креститься, что-то бормоча, вероятно, молитву.

— Все живы и все спасены! — кричал я ему.

— Слава пану Иезусу! — отвечал пан Тадеуш, не переставая креститься.

Вскоре прибежала и пани Вильгельмина, а за ней начали сбегаться служащие усадьбы и крестьяне из деревни. Но что мы могли сделать? Единственное, за чем нужно было следить, это, чтобы огонь не перекинулся на другие постройки; но ночь была так поразительно тиха, что, хотя мы и приняли все меры, но они были совершенно излишними.

Когда начало подниматься осеннее солнышко, от нашего старого дома оставалась только груда раскаленных углей, которые мы старались погасить бывшей в нашем распоряжении водой, боясь, чтобы не поднялся ветер.

При помощи пани Вильгельмины и пана Тадеуша наши костюмы были приведены в сколько-либо благообразный вид для того чтобы доехать до города.

В тот же день мы, сопровождаемые паном Тадеушем, покинули Борки, намереваясь поспеть к вечернему поезду.

Когда мы проезжали через Калиновичи, Ольга попросила остановиться около еврейского кладбища. Мы прошли на могилу еврейки. Она была обнесена новой красивой решеткой, а на самой могиле стояла доска с какой-то еврейской надписью.

Ольга вынула из захваченной из Борок корзинки все найденные еще ею осенние цветы и зелень и усыпала ими могилу, а затем молча, погруженные каждый в свою думу, мы возвратились к нашему экипажу.

ОБ АВТОРЕ

Александр Геркуланович Белинский (1871 – ?) происходил из дворян Виленской губернии. По окончании 1-го Кадетского корпуса вступил в военную службу, в 1888 г. — юнкер рядового звания в 3-м Военном Александровском училище. В 1894 г. — поручик, делопроизводитель батареи. В сентябре 1895 г. с разрешения военного министра был зачислен в Военно-юридическую академию; по окончании полного курса наук по 1-му разряду за отличные успехи в науках был произведен в капитаны, а затем отчислен из академии в распоряжение Главного военно-судебного управления для практического ознакомления с военно-судной частью и вскоре назначен кандидатом на военно-судные должности при военном прокуроре Приамурского военно-окружного суда. Участвовал в походе в Китай в 1900–1901 гг., за который был награжден медалью (к 1906 г. также имел орден Св. Станислава III степени и серебряную медаль в память царствования императора Александра III).

В 1902 г. А. Г. Белинский был назначен помощником военного прокурора Приамурского военно-окружного суда и произведен в подполковники. В 1903 г. подал прошение об отставке, был награжден мундиром и чином полковника и назначен младшим нотариусом Порт-Артура. С 14 января 1905 г. — товарищ прокурора Владивостокского окружного суда. 29 июля 1906 г. был назначен нотариусом г. Иркутска; на этой должности оставался по крайней мере до 1919 г. Впоследствии эмигрировал в Китай, жил в Харбине, где в 1926 г. опубликовал повесть «Тайна старой усадьбы»; сведений о его дальнейшей судьбе не имеется¹.

Повесть публикуется по первоизданию (Харбин: Типолит. Л. М. Абрамовича, 1926). Орфография и пунктуация приближены к современным нормам. Приносим глубокую благодарность А. А. Степанову, возвратившему эту книгу читателям.

¹ Детали биографии А. Г. Белинского приведены по: Логунова Г. В. Нотариусы Иркутска в конце XIX – начале XX века // Одиннадцатые Байкальские социально-гуманитарные чтения. Том 1: Материалы. Иркутск, 2018. Приводимые в некоторых источниках сведения о том, что Белинский якобы был губернатором Сахалина, явно не соответствуют действительности; данные о его последующем переезде в Австралию сомнительны.

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.